

Анна
САКРУ

Анна
БЕЛИНСКАЯ

КАМЕНЬ
НОЖНИЦЫ
БУМАГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ана Сакру

Камень. Ножницы. Бумага

«Автор»

«Автор»

2026

Сакру А.

Камень. Ножницы. Бумага / А. Сакру — «Автор», «Автор»,
2026

Михаил Угрюмов, принципиальный холостяк, всегда жил только ради себя. Но все изменилось три недели назад, когда ему пришлось взять на воспитание восьмилетнего сына. Но только где найти время на маленького сорванца, если практически 24/7 Михаил проводит на работе? ***— Что ж, Михаил Михайлович, есть у меня на примете одна хорошая девочка, — в притворной задумчивости растягивает слова учительница. — Педагогическое образование. Логопед. Занимается репетиторством. Спокойная, умеющая расположить к себе, дети ее очень любят... И так сложилось, что она как раз ищет более оплачиваемую работу. Я могу дать вам номер.— Отлично, диктуйте, — перебив, киваю я и достаю из кармана телефон, не подозревая, чем все обернется.

© Сакру А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Умышленный поджог	5
2. Откуда берутся дети	7
3. Предложение, от которого невозможно отказаться	11
4. Отец Михаил	14
5. Ах, Арлекино, Арлекино...	17
6. А я помню!	20
7. Первый блин комом	23
8. ОПГ «Девочки»	26
9. День первый	29
10. День второй	36
11. Камень, ножницы, бумага	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ана Сакру, Анна Белинская Камень. Ножницы. Бумага

1. Умышленный поджог

Михаил

– Здравствуйте, можно?

Вопрос риторический, так как дверь в класс гостеприимно приоткрыта, а на разбор полетов к учительнице сына я опоздал уже более, чем на двадцать минут.

Работа не отпускала. Телефон и сейчас без остановки вибрирует в кармане парки, заставляя внутренне раздраженно закипать.

Два часа пополудни... Разгар рабочего дня!

За те деньги, что я плачу в месяц за обучение в этой частной гимназии, они все здесь обязаны в принципе не вспоминать о моем существовании до шести вечера.

– Здравствуйте, Михаил Михайлович, проходите, – скрипит старая карга Лариса Ивановна, поджимая тонкие бесцветные губы.

Взгляд у нее ледяной и одновременно обжигающе воинственный – сразу чувствуется полвека преподавания за тощими, сгорбленными плечами.

Поправив давящий на кадык галстук, я вхожу в кабинет.

Несмотря на то, что ноябрь на дворе, а для Новосибирска это уже полноценная зима, одно из окон нараспашку. Занавесок на нем нет. Отчетливо тянет гарью.

Славка сидит за первой партой, ближайшей к учительскому столу, втянув шею в плечи так, что не удивлюсь, если у него позвонки сложились как телескопическая удочка.

Вот же бандит на мою голову! В мое детство отец, заслуженный работник на заводе металлоконструкций, уши бы мне сходу отодрал за подобное. Но я не уверен, что в наше время такое практикуют.

Пока, скрипя подошвами по линолеуму, шагаю до стола, высверливаю взглядом дыру в белобрысом затылке сына. Славка оборачиваться не рискует. Откладывает свою смерть.

Сажусь к нему за парту и сразу чувствую себя маньяком из «Пилы», рассекающем на детском велосипеде. Стулья для начальных классов явно не рассчитаны на мои габариты и, мало того, что зад неудобно свешивается с обеих сторон сиденья, так еще и колени подлетают к подбородку.

Стараясь не терять достоинства, даже будучи сложенным втрое, я бросаю выразительный нетерпеливый взгляд на свои наручные часы, крутанув запястьем.

– Лариса Ивановна, давайте сразу к делу. Какие претензии? Шторы я оплачу. У меня нет времени... – начинаю сухо и по-деловому.

Но меня тут же перебивают.

– То, что у вас нет времени на собственного ребенка, я прекрасно поняла, Михаил Михайлович! – зудит Лариса Иванна поскрипывающим голосом. – Но сегодняшний демарш Вячеслава – не просто мелкое баловство, а угроза для всей школы и остальных учеников! Я буду вынуждена говорить об отчислении. И, возможно, о постановке на учет!

– Не драматизируйте, – морщусь я. – Ну немного подгорела занавеска... Он не специально, – сообщаю. – Ты же не специально? – поворачиваюсь к сыну.

– М-м-м, – глубокомысленно мычит Славка, и краска с ушей переливается на его щеки, шею и даже курносый нос.

Ясно. Специально.

На секунду страдальчески жмурюсь. Господи, за что?! А за то, Угрюмов, что трах без презерватива – это как айфон без чехла – круто, но опасно.

– Какого хрена ты поджег эти долбанные занавески? – рычу на сына сквозь зубы.

– Не выражайтесь при ребенке! – вставляет свои ценные пять копеек Лариса Ивановна.

– М-м-м, – продолжает на одной ноте тянуть Славка, разглядывая парту.

Отличная тактика – строить из себя дурака! У меня инженер ОТК на сегодняшней утренней планерке делал то же самое!

– Объясняйся! – требую я.

– Не буду, – тихо и бесконечно дерзко кидает мне сын, продолжая гипнотизировать парту.

Стиснув челюсть, с угрозой глазами тараню макушку Славика. Он у меня шуплый и угловатый. Полная моя противоположность. В его возрасте у меня стопа была как две его, и, если я и поджигал шторы, то сразу во всем классе, а не одну.

– Он опять не выучил стихотворение, которое я задала на дом. Я спрашивала по журналу, идя пофамильно, – поясняет Лариса Ивановна, тяжело вздохнув. – Конечно, третья двойка за день способна заставить нервничать даже самого непробиваемого ребенка. И вот, когда я дошла до Толоконникова, потянуло дымом и...

– Третья двойка? – удивленно перебиваю я. – Куда ему столько? Солить?! – возмущаюсь. – Он же во втором классе. Может, стоит пересмотреть подходы к оценке знаний маленьких детей, Лариса Ивановна? – ядовито цежу имя этой высохшей от времени мегеры. – В конце концов, я плачу приличные деньги за его обучение здесь.

– В конце концов, вы бы могли хоть раз проверить его домашнее задание, – отрубает учительница гневно. – Вы вообще заглядывали в его дневник?!

– Вы сами сказали, что их отменили, – бычу я.

– Я про электронный.

– Это еще что?!

– Вот! – торжествующе тычет в меня крючковатым пальцем Лариса Ивановна. – Вот, что и требовалось доказать! Вы даже не знаете о его существовании! Я уж молчу, что вас нет ни в одном из чатов! – всплескивает она руками.

– Каких чатов? – обреченно тру лоб, чувствуя, как вибрирующий в кармане телефон уже раскаляется от постоянных звонков и сообщений.

О, как вы неправы, Лариса Ивановна, насчет чатов. Этих чатов у меня до х... Очень много, Лариса Ивановна, очень.

Чат акционеров, чат директоров, чат бухгалтерии, чат ИТР, чат производства, чат отдела кадров, чат отгрузки, закупочный чат. И вот сейчас все эти чаты, Лариса Ивановна, мечтают, чтобы я каждому уделил внимание.

А я тут! Выслушиваю про несчастные занавески!

Да, отец из меня – так себе. Я понимаю. Но дело в том, что с того момента, как я полноценно им стал, а точнее отцом-одиночкой, не прошло и трех недель.

2. Откуда берутся дети

Около трех недель назад

Коленом захопываю заднюю дверь машины. Я с ног до головы обвешан пакетами, и можно было бы решить, что я обчистил детский магазин, но по факту я просто не знал, что выбрать, и взял всё, что попадалось мне на пути, пока блуждал между рядами в Детском мире.

Наступаю в мерзкую жижу из раскисших огненно-рыжих листьев и припускаю в шаг, заметив, как из двери нужного мне подъезда выходит молодая женщина. Двор хорошо освещен, но в любом случае не разглядеть мои габариты невозможно, и незнакомка придерживает для меня дверь.

– Значит, он все-таки существует... – она выразительно выгибает бровь, улыбаясь, когда подхожу.

Свои я выгибаю в вопросительной дуге.

– Дед Мороз! – уточняет следом, проходясь по мне заинтересованным взглядом. – С бородой и подарками! – прикусывает нижнюю губу.

Судя по всему, бородатые дядьки в ее вкусе, и если бы не мой отъезд, я бы, вполне возможно, озаботился ее номерком, но, увы, не сегодня. И даже не завтра. Да и вообще хрен знает когда. Послезавтра я улетаю в Новосибирск. Без понятия насколько, но в целом эта перспектива меня не пугает. Одна треть моей тридцатипятилетней жизни связана с разъездами и не прекращаемыми командировками, так что мою холостяцкую квартиру в Москве я всегда воспринимал как перевалочный пункт, а не место, где я пустил корни и по которому буду скучать.

Моя судьба сложилась так, что всю свою жизнь я проработал на одном единственном предприятии – Объединенном стекольном заводе. Туда я пришел еще зеленым юнцом сразу после института на должность мастера благодаря связям отца, который работал на смежном производстве и был на короткой ноге с начальством. Это стало для меня дополнительным стимулом в работе – помимо собственных карьерных амбиций не хотелось подводить ныне покойного батю. Так что дела у меня сразу пошли в гору.

Не прошло и пары лет, как я дорос до старшего мастера несмотря на молодость, а потом и до начальника производства. Потоптался я на этой должности почти шесть лет. А дальше второе высшее, повышение квалификации – и меня продвинули в центральный офис в качестве директора по региону.

С этого момента начались мои бесконечные командировки, которых и до этого было немало. Но если раньше они носили скорее развлекательный характер – приезд на другой завод нашей компании и обмен опытом, который чаще всего заканчивался в ресторане или сауне, то теперь я мотался по всей стране, налаживая работу новых открывающихся предприятий, растущих как грибы после дождя.

Год назад мы решили полноценно выйти на рынок Сибири. Для этого наш небольшой новосибирский завод, имеющий всего две дремучие линии и способный производить не более тысячи пакетов за смену, был под корень снесен. Вместо него Объединенный стекольный завод воздвиг настоящего монстра с современнейшими линиями и возможностью производить стекло и пакеты любой сложности вплоть до иллюминаторов космических кораблей. Наши «аппетиты» растут, и в перспективе – строительство еще двух заводов поменьше во Владивостоке, Красноярске, а следом и монополизация всего стекольного производства в Сибири.

– Только никому не говорите, – усмехаюсь, подыграв барышне, окрестившей меня Дедом Морозом в октябре-месяце. – Благодарю, – протискиваюсь мимо нее и направляюсь к лифтам.

Дед Мороз, да уж... Наверное, точнее и не назовешь. Только в отличие от седовласого я прихожу не раз в год, а два – перед Новым годом и в день рождения.

Моему сыну послезавтра восемь. На его именины я буду в самолете. Этот факт Славика не огорчит, как и меня разлука с ним, но уехать и не повидаться с собственным ребенком – даже для меня выглядит по-ублюдски.

Я не претендую на премию «Отец года» и никогда не претендовал. Свои возможности и «заводские настройки» я оцениваю трезво, как и мать моего сына Рита.

Мы познакомились на работе. Она пришла в компанию после университета. Юркая, смешливая, ноги от ушей. И так же, как я, абсолютно не настроенная на долгие, обязывающие отношения. Когда Маргарита залетела, никто меня в Загс не тащил. Да и у Риты не было ко мне нежных чувств, мы просто трахались без обязательств, не претендуя друг на друга.

Я не помню, почему в тот вечер в кармане моих джинсов не оказалось презервативов. Без понятия, чем тогда руководствовалась Марго, когда подпустила меня к себе без защиты. Может, в ее голове это выглядело как что-то вроде доверия спустя три месяца «горизонтальных» отношений. Я же тем вечером тупо поверил в свою удачу и понадеялся на «вдруг проресёт».

Не пронесло, а принесла. Рита. Через месяц она вручила мне конверт со скрином УЗИ.

Это стало шоком для нас обоих. Ни о какой семье и речи быть не могло, ведь я сразу обозначил, что мне не нужны даже серьезные отношения. Так что вместо брака я предложил Рите право выбора. Если это называется перекладыванием ответственности, я не спорю. Тем не менее, когда она решила рожать, я пообещал, что ребенку дам свою фамилию и денег. И дал. В остальном же... Признаю, меня даже паршивым отцом не назовешь, потому что для того, чтобы быть паршивым, надо сделать хоть что-то, а я кроме ежемесячных переводов и этих муторных визитов два раза в год не делал ровным счетом ничего.

Когда Славка родился, я находился в очередной долгосрочной командировке. Увидел сына только через четыре месяца. Я тогда держался от него в стороне. Мелкий, к нему прикоснуться было страшно. Я и не касался и не почувствовал ничего, кроме легкого любопытства – каким получился мой ребенок.

По сути, мы вообще со Славкой не знаем. Помимо того, как он выглядит, его имени и номера карты его матери, я не знаю о нем ничего. Я и не хотел знать. Ему и без меня неплохо живется благодаря моему ежемесячному содержанию и в полноценной семье. Год назад Рита вышла замуж, и факт того, что моего пацана растит другой мужик, меня не смущает. Мне Славке предложить нечего. Я по самую макушку загружен работой, в моем графике нередко по пять командировок в месяц, а мои редкие посещения, которые чаще всего наполнены Славкиной неловкостью и моим фальшивым интересом о делах – совсем не то, что необходимо растущему организму.

Лифт доставляет меня на седьмой этаж. На площадке стоит детский ор, и он доносится из квартиры Риты. Три месяца назад она родила дочь.

По-хорошему надо было бы позвонить и предупредить о своем визите, прежде чем беспокоить счастливое семейство, но у меня такой армагеддон в последние дни на работе с этим переводом, что, как только вышел из офиса, сразу заскочил в Торговый центр, а оттуда напрямик сюда.

За дверью ребенок надрывается, будто его там режут. Мысленно перекрестившись, что такое «счастье» меня стороной обошло, и переложив пакеты в одну руку, выжимаю дверной звонок.

Дверь распаивается через пару секунд, и на пороге появляется Славик. Глядя на меня снизу вверх, он удивленно хлопает красными заплаканными глазами, пока мои изучают запекшуюся кровь на его верхней губе и красный след на щеке, словно секундой назад ему кто-то отвесил пощечину.

– Привет... – не переставая осматривать сына, произношу замедленно.

Уточнить – с каких боев ранения – не успеваю. Из-за угла тесной прихожей возникает хорошо знакомый силуэт.

– Я сколько раз, бл*ть, предупреждал – не открывать дверь без... – Вадим, муж Маргариты, затыкается, увидев меня. – Опачки... здорова... – расплывается в придурковатой ухмылке он. Высокий, спортивный, крепкий.

Все, что я о нем знаю – он работает в нефтегазовой сфере. Наше общение сводится к взаимному приветствию, когда навещаю Славика, и не более того. Мне приходится доверять выбору Маргариты. Уверен, дерьмо бы она не подобрала, и до сего момента я в этом не сомневался.

Глаза Вадика неестественно блестят, на футболке, в которую одет, мокрое пятно. Стоя от него в трех метрах, отчетливо улавливаю запах перегара. И то, с каким нездоровым весельем он продолжает свою речь, заставляет напрячься:

– Ри-ит! Ритка! У нас гости! – пытается переорать визжащего в зале ребенка. – А ты... – машет он мне, зазывая внутрь, – давай заходи. Че как не родной.

Прихожая наполняется детским криком, перемешанным с визгом, а через секунду из-за спины выглядывает Маргарита.

– Миша? – удивленно спрашивает она, удерживая на руках извивающегося в истерике ребенка. Девочка визжит так, что ее лицо побагровело. Маленькие кулаки вцепились в волосы Риты, которая выглядит как ходячий мертвец – бледная кожа, под глазами синяки и неестественная худоба, проглядывающая из-под вытянутой футболки до колен и широких спортивных штанов.

– Да успокой ты ее! – Рявкает Вадик, бросив злой взгляд на Риту.

Она поднимает к нему глаза и смотрит как невменяемая. Медленно моргает, пока мои перепонки взрываются от детского плача.

Стискиваю ручки пакетов.

Что за вселенский звездеч здесь творится?

Смутная догадка ледяной рябью скатывается по позвоночнику, когда рука муженька Риты по-хозяйски укладывается на макушку сына, который мгновенно сжимается в комок от этого прикосновения.

– Славик, ну че ты завис? Давай, подсуетись, пакеты у отца возьми, – Вадим взъерошивает ему и без того взлохмаченные волосы.

Шумно выдохнув, цежу, поймав испуганный взгляд сына:

– Слава, откуда кровь на губе?

Я все еще держу и себя, и пакеты в руках. Несмотря на то, что я бываю охренеть каким терпеливым, сейчас в моей голове срабатывает счетчик, и он не в пользу Вадима.

– Да бро-ось... – тянет он, – ну пацан же. С кем не бывает. Бежал, в дверной косяк ткнулся. Да, Слав? – прижимает моего сына к боку.

Славик втягивает голову в плечи. Смотрит на меня исподлобья.

– Слава... – наседаю я.

– Славка, ну ты че молчишь?! Ответь отцу! – Вадим насмешливо подбадривает сына, похлопав по плечу. – Рит, чайник ставь! – снова орет, вывернув шею в сторону гостиной, за дверь которой скрылась Маргарита.

– Слава, откуда кровь? – повторяю тверже.

Сын, понурив голову и вздохнув, бормочет едва слышно:

– Упал. Сам.

– Ну вот! – торжественно заключает Вадим. – А теперь пошлите на кухню.

Ни хрена.

– А след от пощечины тоже потому что упал? – цежу, глядя офигевшему Вадиду в глаза, которые зло вспыхивают, а потом опасно сощуриваются.

– Я не понял. Ты мне что-то предъявить пытаешься? – сразу включает бычку он, в момент сбрасывая притворное дружелюбие. Его покрасневшая рожа каменеет.

– Я прямым текстом спрашиваю, – сообщаю.

– Нормально, – усмехается Вадим. – Я тут воспитанием его сына занимаюсь, ращу его как своего, таскаюсь, бл*ть, везде с ним, а ты мне предъявляешь? – заводится. – Ты, блин, недопапаша, еще пытаешься *меня* сделать виноватым? Да ты вообще в курсе, что твой малой в школе вытворяет? Совсем уже оборзел. А во дворе? А дома?! Не знаешь?! Так я расскажу...

Мудак не договаривает. А я не дослушиваю.

Бросив пакеты на пол, одного моего широкого шага хватает, что схватить Вадика за шею и вдавить в стену.

Мне стоит огромных усилий сдержаться и не подрихтовать ему фасад. Останавливает лишь ошалевший испуганный взгляд сына, стоящего всего в нескольких сантиметрах от меня и этого «воспитателя».

– Рот свой закрой! Только попробуй еще хоть раз пальцем его тронуть... – произношу доходчиво.

Вадим, попытавшись сглотнуть, шумно тянет воздух и смотрит на меня распахнутыми глазами, но мутного взгляда не отводит. Желание – треснуть его затылком о стену – зашкаливающее, под кожей вскипает бешенство, но я отпускаю говнюка и снимаю обувь.

Да, я откровенно хреновый отец и, возможно, в принципе так себе человек, но уж точно я никогда и никому не позволю поднимать руку на моего сына. Что бы он ни натворил в школе, во дворе, дома и вообще черт знает где.

Толкаю дверь в гостиную.

Маргарита сидит на диване и отрешенно смотрит на дочь, барахтающуюся в детском манеже. В комнате бардак, пахнет чем-то кислым.

Поморщившись, зову ее:

– Рита.

Она оборачивается. Отрешенный взгляд совершенно лишен живых человеческих эмоций. Некогда веселая, легкая, подвижная девчонка превратилась в мумию.

– Миша... – шевелятся ее губы еле слышно, – я устала. Я так устала...

Глаза Риты наполняются слезами, а через секунду она прячет лицо в ладонях и начинает в них выть.

Твою ж мать...

Спустя десять минут я пристегиваю сына ремнем безопасности в своей машине.

Я ни черта не знаю, что делать дальше. В пакете, который собрала Рита, запасное нижнее белье для Славика и его документы.

Я. Не. Знаю. Что. Делать. Ни с пацаном, для которого я в принципе чужой дядя, ни со своим переездом в Новосиб, который состоится уже послезавтра, ни с матерью моего сына, у которой, судя по всему, нервный срыв, а я, будем честны, мало чем могу здесь помочь, хотя и надо бы...

Когда моя жизнь свернула не туда, а?

3. Предложение, от которого невозможно отказаться

– Кхм-кхм, – шумно откашливается Лариса Ивановна, заставляя меня выплыть из потока воспоминаний, – Вячеслав, – обращается она к моему сыну, – ты иди погуляй пока, пожалуйста. Вон твой класс как раз с Леонидом Егоровичем занимается, – кивает на окно, в котором виден небольшой школьный стадион, – а мы с твоим отцом поговорим наедине.

Славку два раза спрашивать не надо. Он подскакивает с места раньше, чем Лариса Ивановна успевает договорить, и пулей вылетает из кабинета.

Провожая его тощую фигурку завистливым взглядом. Я бы сейчас тоже не отказался сбежать от приватного разговора с этим ходячим памятником школьному образованию. Но у меня нет такой возможности. Потому я, еще раз раздраженно взглянув на часы, терпеливо поджимаю губы в ожидании начала беседы.

Лариса Иванна поправляет толстую роговую оправу на переносице и садится за учительский стол напротив парты, за которой сижу я. Ее бесцветные глаза, кажущиеся огромными из-за линз, намертво впиваются в мое лицо.

– Послушайте, Михаил Михайлович, – тяжело вздыхает она, рассеянно теребя в руках карандаш, – я преподаю уже более двадцати лет. Я два раза была учителем года, если вы не знали и, поверьте, повидала на своем веку тысячи детей и их родителей, так что кое-что в этом понимаю...

– Я очень рад за вас. Ближе к делу можно? – не выдерживаю, так как в моем кармане снова бесшумно, но настойчиво вибрирует телефон.

– Можно, – отрезает она недовольно, постукивая карандашом по столу, – Слава – неглупый ребенок, но в таком возрасте ему просто необходим взрослый, который занимался бы им и контролировал. Очевидно, что это не вы.

Разумеется, не я! Но кто б меня спрашивал?! Я вообще три недели назад просто пришел с подарками на руках, а вышел с ребенком. И я бы с радостью вернул его родной матери, если бы не ее душевное состояние и не отморозок, с которым она связалась.

– Что вы от меня хотите? Я не понимаю! – взрываюсь я, не выдерживая этого обвиняющего тона и снисходительного взгляда. Я ей кто? Её второклашка?! – Вы прекрасно осведомлены о нашей семейной ситуации, – багровея, цежу сквозь зубы, – я всё подробно описал директору школы, когда сюда устраивал сына. У меня. Нет. Времени. На уроки! Нет! – чеканю членораздельно. – Для этого я оплачиваю продленку в вашей гимназии, которая обходится мне дороже основного обучения! И, если я ничего не путаю, то домашнее задание Слава должен делать на ней, так?

– Но он абсолютно не слушается! Отказывается делать хоть что-то, – разводит руками Лариса Ивановна.

– А это уже ваши проблемы как дважды учителя года. Вы же у нас такой опытный, заслуженный педагог! И не в состоянии справиться с восьмилеткой? – юродствую я.

Лариса Ивановна багровеет вслед за мной. Шумно выдыхает, напоминая дряхлого дракона, и воинственно поправляет очки.

Сверлим друг друга глазами.

Ну, и? Какие аргументы?

Повисает гробовая тишина.

– Послушайте, Михаил Михайлович, – после весомой паузы произносит Лариса Ивановна гораздо более миролюбивым, почти заискивающим тоном, от которого я мгновенно напрягаюсь, потому что обычно именно этим тоном на работе мне пытаются впарить какую-то туфту, – я не враг ни вам, ни тем более вашему ребенку. Я лишь хочу как лучше. Дать совет.

– Ну давайте, – смотрю на нее исподлобья.

Колено под столом начинает ходить ходуном от нетерпения. Чую, как седалищный нерв потихоньку воспаляется из-за стремительно растущей горы проблем еще и на работе, пока я тут охлаждаюсь.

– Во-первых, добавьтесь, пожалуйста, в родительские чаты, чтобы оперативно реагировать на все происходящее в школе, – загибает крючковатый палец Лариса Ивановна.

– Исключено. – Сразу отмечаю это «заманчивое» предложение. – У моего телефона перерод чатов. Если что, вы знаете мой номер. Звоните, не стесняйтесь.

Женщина умудряется на это только еще сильнее поджать губы, отчего они, и без того тонкие, чуть не проваливаются ей в рот.

– Во-вторых, – она загибает следующий палец, – раз у вас совершенно нет времени на то, чтобы следить за успехами Славы, вам желательно бы нанять няню. Помощницу. Хотя бы на период адаптации к школе. Подозреваю, что с финансовой точки зрения это вас не сильно затруднит.

– Слава уперся и категорически против кого бы то ни было, – отмечаю и этот пункт я.

– Ну и кто же у нас взрослый, властный, владеющий ситуацией родитель? – тут же возвращает мне ядовитый сарказм Лариса Ивановна. – Славе восемь лет. Он точно не в состоянии определить, что для него лучше. Так что проявите свой авторитет.

Я устал. Голова кругом.

Грузно выдыхаю.

– Хорошо, я подумаю насчет няни, – бормочу себе под нос, поглаживая раскаленный телефон, танцующий в кармане.

– Заодно сможете спихнуть на нее все чаты, – заговорщическим тоном подсказывает Лариса Ивановна, и впервые за все время нашего с ней разговора она вызывая во мне живой интерес.

Спихнуть все чаты?

Постукиваю пальцами по кромке стола.

– И звонить я буду сначала ей, а не вам, – продолжает соблазнять меня Лариса Ивановна.

О, как мед для моих ушей... М-м-м...

Я слегка добрею и даже умудряюсь расслабленно откинуться на микроскопическом детском стуле.

– Может, у вас и подходящая кандидатура есть? – дергаю бровью, копируя любезный тон Ларисы Ивановны.

– Кхм... – она прочищает горло, делая вид, что растерялась, но я готов поставить свои тестикулы на то, что ответ на этот вопрос у Ларисы Ивановны был заготовлен еще до того, как я переступил порог кабинета.

Планирует подсунить мне свою знакомую на приличный оклад?

Да я только за, если это гарантирует мое спокойствие и хорошее отношение старой хитрой карги к моему сыну.

Выгибаю брови, давая понять, что весь внимание.

Спрятав триумфальную улыбку, Лариса Ивановна вздергивает подбородок.

– Что ж, Михаил Михайлович, есть у меня на примете одна хорошая девочка, – в притворной задумчивости растягивает она слова. – Педагогическое образование. Логопед. Занимается репетиторством. Спокойная, умеющая расположить к себе. Дети ее очень любят... И так сложилось, что она как раз ищет более оплачиваемую работу. Я могу дать вам номер и...

– Отлично, диктуйте, – перебив, киваю я и достаю из кармана свой раскаленный телефон.

Забиваю цифры потенциальной няни.

– Афина Робертовна, – сообщает Лариса Иванна, когда мой палец зависает над именем контакта. – Мишина.

Э-э, как-как?

Афина Робертовна?

Ехидный смешок мне приходится скрыть симитированным приступом кашля, пока вбиваю эту греко-новосибирскую богиню дикции в контакты.

– Какое чудесное имя-отчество для логопеда, – все-таки не выдерживаю и озвучиваю свое умозаключение. – Дети, наверно, в восторге.

– Уверена, вы будете тоже... – с каменным лицом совершенно серьезно отзывается Лариса Ивановна, – в восторге.

– Не сомневаюсь.

4. Отец Михаил

Робкий стук в дверь вынуждает оторваться от бумаг и поднять лицо.

– Извините... – просунув голову между ребром двери и откосом, Катя, моя секретарша, смотрит на меня с опаской. – Михаил Михайлович, можно мне сегодня пораньше уйти? У меня ребенок заболел.

На ее последних словах к горлу подкатывает тошнота.

Ребенок заболел... От них одни проблемы... от детей этих.

– А который час? – спрашиваю у Кати.

– Пол шестого.

Пол шестого. Пока до школы доберусь, будет седьмой час. Могу встать в пробку. Завод в двадцати километрах от города, в шесть весь персонал стекольного повалит по домам...

– Можно, – отвечаю. – Я тоже на сегодня всё, – захопываю крышку ноутбука.

Благодарно улыбнувшись, Катя исчезает за дверью.

Встаю с кресла. В глазах песок. Прохрустев шеей, подхожу к окну. Снег кружит. Мелкий, но частый.

Снова стук в дверь. Оборачиваюсь.

Катя стоит на пороге в шубе и шапке.

– Михаил Михайлович, а вам пригласительный на городскую Елку нужен? В смысле для вашего сына... Профсоюз заявки собирает. В прошлом году интересно было.

И че, вот так теперь всегда будет?

Вместо пригласительного в сауну, я буду хороводы водить вокруг городской елки?

Бл*ть, печаль какая...

– Нужен. Наверное, – отвечаю со вздохом.

– Хорошо, завтра внесу вас в список. Ну... я побежала? – ждет моего одобрения Катя.

– Беги.

– Спасибо. До свидания!

– До завтра...

Надеваю парку.

Настроение плещется на нуле. И окончательно стекает в минус, когда я действительно встаю в пробку на въезде в город. Снегопад набирает обороты, дороги засыпает, как и лобовое.

Не пойму, что раздражает и бесит больше всего. Но раздражает капитально. Какой-то неуловимый зуд на подкорке будто я что-то забыл сделать. Мыслям в голове тесно. Копаюсь в них, стараясь отыскать нужную под тихую ненавязчивую музыку, льющейся из динамиков. Возницкому отписался, встречу с юристом «ЮграХолл» перенес, со Славкиными проблемами в школе вроде бы разобрался.

Вроде бы... Точно. Няня.

Пока ишу нужный контакт, раздумываю от нечего делать сколько этой самой Афине лет?

Лариса Ивановна назвала ее девочкой, но не удивлюсь, что для старой карги девочка – это примерно сорок пять – пятьдесят. Еще и с таким именем-отчеством.

Нажимаю вызов. Длинные гудки разносятся по салону из динамиков. Перестраиваюсь в левый ряд, вроде бы лед тронулся...

– Да? – раздается мягкий женский голос. – Слушаю.

Явно молодой. Очень молодой. И приятный.

Ловлю легкую заинтригованность, которую тут же душу в зародыше. Няня сына – пошлятина низшей пробы даже для меня.

– Афина Робертовна? – холодно уточняю.

– Да, – мелодично соглашается голос.

– Я от Ларисы Ивановны. Она предложила вас в качестве няни для моего сына. Вы сможете выйти завтра?

В динамиках повисает молчание.

– Афина Робертовна? Вы здесь? – смотрю на панель. Она на проводе.

– Здесь. Прошу прощения, но я вас не поняла... – растерянно бормочет. — Лариса Ивановна ничего не... Ах, вот, да, она звонила, но я вела занятия и... – загружает меня совершенно ненужной информацией, от которой я раздражаюсь сильнее.

– Кажется, вам срочно нужна работа... – резко перебив, напоминаю я.

– Ну-у... да. Было бы неплохо, но...

– Но либо вы выходите завтра, так как няня моему ребенку необходима «пряшас», либо давайте заканчивать этот разговор.

– А вы не очень корректны, – мягко пеняет мне девушка, – и ведь даже не представились.

Бросив взгляд в левое зеркало, включаю поворотник.

– Меня зовут Михаил, а свою некорректность я готов с лихвой финансово компенсировать, – отбиваю.

В динамиках снова повисает вязкая тишина, в которой различаю обиженное дыхание этой Афины.

Игнорирую и жду пару секунд.

– Хорошо, Михаил. В принципе я могу выйти завтра, но давайте сначала все-таки встретимся и всё как следует обсудим. Сегодня вечером вы сможете?

– Смогу, – отзываюсь лаконично.

– Отлично. Я заканчиваю в девятнадцать тридцать. Если вам будет удобно, можно встретиться в восемь.

– Удобно. Где?

– Я могу подъехать куда скажете, – сообщает мягко.

– Мне тоже без разницы.

Молчит.

– Хорошо. Рядом с местом моей работы есть Пекарня. Давайте там?

– Договорились.

Афина называет адрес, который сразу вбиваю в навигатор и сохраняю.

Через двадцать минут паркуюсь напротив входа в гимназию. Территория огорожена, и после визуальной идентификации, калитка передо мной открывается.

Сын в компании учительницы топчется у лавочки, на которую свален рюкзак и мешок со сменной обувью. На одном конце этой же лавочки сидит какой-то пацан вдвое шире моего, а над ним причитает такая же объемная тётя в норковой шубе.

Лариса Ивановна активно жестикулирует, обращаясь к этой женщине, и одновременно то и дело кладет руку на Славкино плечо словно насадка, прикрывающая крылом цыпленка.

Тетка злобно зыркает на Славку. Сын ковыряет ботинком прорезиненную дорожку. Толстый пацан грустно и шумно сопит, ни на кого не смотря.

Глядя на развернувшуюся картину, невольно замедляю шаг, предчувствуя очередной трюндец.

Первый мой порыв развернуться, пока не заметили, и побродить часок по ближайшим дворам в надежде, что меня устанут ждать. Но этот чудесный план разбивается вдребезги о реальность, как только Лариса Ивановна поворачивает голову в мою сторону.

– О, Михаил Михайлович! – машет мне.

*Нет, бл*ть. Это не я. Вы меня с кем-то путаете.*

– А мы вас ждем! – оповещает.

Да что вы?!

Раздраженно поправив воротник парки, иду к ним, готовясь выслушать новую порцию нотаций.

– Добрый вечер, – киваю Ларисе Ивановне, бросив взгляд на дородную женщину, которая в ответ ядовито смотрит на меня. – Слав, иди-ка сюда, – тяну сына к себе за рукав куртки. Прижав его плечо к своему боку, интересуюсь: – что-то случилось?

– Вот, пытаемся разобраться, – вполне себе миролюбиво отзывается Лариса Иванна, поправляя роговую оправу на переносице. Во как! Даже в мире педагогики и образования все продается и покупается. Стоило мне согласиться взять няней ее протеже, так заработал заботливое отношение к сыну.

– Ваш ребенок до слез запугал моего! – тем временем без прелюдий бросается в бой тетя в норковой шубе.

– Мой?! – я удивленно поднимаю брови и еще раз внимательно оглядываю мальчишек, сравнивая их комплекции и весовую категорию.

Ну что сказать... Если это правда, то меня даже гордость берет за Славку. Это ведь надо умудриться – навалить пацану, когда вешишь втрое меньше.

– Видимо, для этого он проявил недюжинную смекалку, – усмехаюсь.

– Михаил Михайлович... – осуждающе цокает Лариса Ивановна.

Тётя в норке окончательно свирепеет.

– Ромочка сказал, что ваш сын запугивал родственниками-уголовниками и выдал ему какую-то черную метку, сказав, что ночью за ним придут. Это нормально по-вашему?!

Ну такое себе... Но оригинально!

– Слав? – хмурюсь я, тормоша его плечо.

– Да он сам придумал про уголовников! – огрызается мой. – Я только про метку сказал!

– Это не я придумал! – обиженно бубнит пухлый пацан. – Это Алиса! Она сказала, что твоя мамка сидит! Вот ты и переехал к нам!

– Сам ты сидишь! – взвивается Славка, сжав хилые кулачки и резко кидаясь в сторону пухляша как взерошенный бесстрашный воробей.

Ловлю сына за капюшон и рывком возвращаю к своему боку.

– Мальчики! – всплескивает руками Лариса Ивановна. – Рома, не повторяй за Алисой глупости. Никто и нигде не сидит. Слава, – обращается к моему ребёнку, – надо было сразу подойти ко мне, а не запугивать одноклассников. Ты меня понял?

Славка, поджав губы, молча кивает.

– Ирина Львовна, думаю, конфликт исчерпан? – Лариса Ивановна обращается к тете в норке, а потом переводит взгляд на меня: – Михаил Михайлович?

Мирно расходимся.

Засунув руки в карманы парки, бреду к машине. Слава, понуриив голову, плетется рядом, мяся подтаявший грязный снег ботинками.

– Как до метки-то додумался? Видел в мультике про пиратов? – интересуюсь, когда подходим к пикапу.

– В «Острове сокровищ» прочитал.

– Прочитал? Ты читал «Остров сокровищ»? – удивлённо кошусь на сына, открывая для него заднюю пассажирскую.

Ему же восемь, а «Остров сокровищ» – это не «Курочка Ряба».

Слава в ответ смотрит на меня как-то странно, с подозрением.

– Ты же сам летом прислал мне большое подарочное издание, с картинками и картами, – глухо отзывается.

Да?

– Прыгай, – киваю на детское кресло.

5. Ах, Арлекино, Арлекино...

Глушу движок.

Навигатор в телефоне уверяет, что эта неприметная пекарня – та самая, где через пятнадцать минут мы должны встретиться с Афиной Робертовной.

Входная прозрачная дверь расписана узорами в виде снежинок, по периметру мерцает гирлянда.

Парковки у этой забегаловки нет, и то, что мне удалось найти свободное место между припаркованными машинами вдоль дороги, – принимаю за позитивный знак.

– Есть хочешь? – оборачиваюсь через плечо к Славке.

Сын пожимает плечами.

– Пошли заглянем, что у них там есть... – киваю на дверь пекарни, откуда выходит девушка с маленькой девочкой с кренделем в руке.

Одновременно выбираемся из внедорожника, который я купил у коллеги. Приличный рабочий пикап, чтобы ежедневно туда и обратно мотаться за город.

Колокольчик задорно звякает, когда, толкнув от себя дверь, пропускаю сына вперед. Тепло и запах свежей выпечки набрасывается со всех сторон.

Славка крутит головой по сторонам.

А здесь ничего так. Уютно. Как-то по-домашнему даже.

Занимаем столик у окна на двоих. Маленький, круглый. Посередине стоит микроскопическая ваза с еловой ветвью, и она пахнет.

Славка стягивает пуховик и, усевшись, заталкивает его себе за спину, свою парку я вешаю на спинку стула.

Озираюсь в поисках Афины Робертовны, но кроме компании подростков и женщины с двумя детьми здесь пока никого.

Подождем. До восьми еще десять минут.

Опоздания я не приемлю, так что Афине Робертовне лучше меня не огорчать.

– Пошли делать заказ? – предлагаю сыну, кивнув на витрину с выпечкой.

Мой пацан кивает. Молча плетется к прилавку, шурша утепленными штанами, с размером которых я прогадал и купил на размер больше.

Славка выбирает мини-пиццу, пирожное и молочный коктейль. Оплатив, сую ему в зубы телефон и прошу недолго посидеть одного, пока у меня будет идти встреча. После чего, прихватив с собой двойной эспрессо, перемещаюсь за свободный столик в паре метров от Славки.

Бросаю взгляд на часы – без пяти минут восемь.

Делаю глоток кофе, поглядывая на сына, который не отрываясь от экрана телефона, слизывает с пирожного крем, а потом тут же заедает его куском пиццы.

Пытаюсь выдохнуть. Просто, мать твою, сделать долгий расслабленный выдох.

Этот день качественно поймел меня сегодня. Высосал до дна.

Звенит дверной колокольчик.

Поворачиваю голову на звук, и моя рука с чашкой кофе зависает в воздухе.

С первого взгляда я понимаю, что это она. Афина Робертовна. Потому что в сегодняшний чокнутый день эта с виду городская сумасшедшая отлично вписывается.

Вопрос, почему для того, чтобы найти оплачиваемую работу, Афине Робертовне необходимо прибегать к шантажу от Ларисы Ивановны, как-то отпадает сам собой.

Афина крутит головой по сторонам. Ее щеки румяные с мороза, а у меня глаза слепит. От того количества яркого, броского, нелепого, что надето на ней.

Белая вязаная шапка, из-под которой торчат кончики тёмных волос, что-то черное и мохнатое, вроде шубы, если через эту шубу пропустить ток. Длинный бордовый шарф до колен болтается на шее. На руках – белые пушистые варежки, а на ногах... Бл*ть как скучно я живу. Желтые плотные колготки.

Натужно сглатываю.

Она снимает варежки, не переставая крутить головой.

Ставлю чашку на стол.

Ослабляю галстук на шее, наблюдая за тем, как сняв шапку, легкая волна ее каштановых волос распадается по плечам и воротнику мохнатой херни.

Сетчатки моих глаз в обмороке от такого избытка красок, а когда Афина расстегивает шубу и под ней виднеется желтый вязаный свитер с утенком и короткая шерстяная юбка в клетку, я практически убеждаю себя, что этот Арлекин Славке не подойдет.

В этот момент ищущий взгляд Афины напарывается на меня.

Ее и без того широко распахнутые глаза становятся и вовсе на пол лица, а рот картинно приоткрывается. Она в шоке, и это очевидно. Не очевидна тому причина, и мне приходится бегло себя осмотреть и, опустив руку под стол, даже проверить ширинку. Потому что Афина, застыв, смотрит на меня как на ожившее привидение.

Вскидываю руку и машу ей.

Девушка моргает, вздрагивает и медленно идет в мою сторону как на казнь.

Мелкая, не худенькая, на вид совсем молодая. Девчонка прямо. Может, так кажется из-за аляпистых придурковатых шмоток и слишком уж открытого, по-детски наивного взгляда. Будто потерянная лопатка в песочнице – ее самая большая трагедия в жизни. Лицо у нее симпатичное, правда сложно судить, когда глаза пребывают в радужной коме.

Сощурившись, приглядываюсь, стараясь не обращать внимание на одежду. Да, определённо симпатичное лицо, кукольное такое, с большими лучистыми глазами, вздернутым носиком и пухлыми губами. Не Барби, а кукла Маша из детства. И будто знакомая кукла...

Хмурюсь, роясь в памяти. Перебираю тех, кого могу вспомнить. И не помню. Может, похожа на кого-то...

– Афина Робертовна? – уточняю на всякий случай, когда девушка тормозит у края моего стола. Ну мало ли, вдруг повезет – и я ошибся. Но Афина медленно кивает, лишая меня последней надежды. – Присаживайтесь, – устало вздыхаю я, указывая на стул напротив.

– Здравствуйте... Михаил, – заторможенно выдает Афина Робертовна, переминаясь с ноги на ногу и продолжая смотреть на меня во все глаза, будто ждет чего-то.

Чтобы стул отодвинул? Или что?

Осторожно садится.

– Кофе? – холодно интересуюсь.

В нос ударяет запах мороза, который она притащила с собой с улицы на мохнатой черной херне.

– М-м, – отрицательно мотает головой, прожигая меня большими лучистыми глазами по пять копеек.

Серо-зеленые. Вроде обычные, но светятся как-то по-особенному, и ощущение, что уже видел их, назойливо мельтешит под кожей.

– Мы раньше не встречались? – сдавшись, спрашиваю.

У Афины на миг брови подлетают до самого лба, а потом она, закусив губу, опускает взгляд.

– Уверена, что у вас отличные когнитивные способности. Если вы не помните, значит... нет? – на последнем то ли вопросе, то ли утверждении поднимает глаза и смотрит на меня странно. То ли с упреком, то ли с обидой...

– И как же так быстро вы определили мои способности? – хмыкаю.

Афина резким движением выдергивает из подставки салфетку и начиная мять ее в ладони. Слежу за этим движением. Ногти у нее тоже разноцветные. Со снежинками и снеговиками... Детский сад.

– Это мой профессиональный навык, – задирает подбородок. – Но можете считать, что просто льщу потенциальному работодателю и пытаюсь произвести на вас впечатление.

Ее ответ-вопрос заставляет криво улыбнуться. А девчонка не так уж и безнадежна.

Откидываюсь на спинку стула.

– У вас получается... – постукиваю пальцами по столу. – Ваш «интересный» стиль тоже относится к профессиональным навыкам? Организуете театрализованные логопедические занятия? – не сдержавшись, произношу едко.

Афина смотрит на меня в упор. Ни капли не смущаясь и не тушуясь под моей откровенной иронией.

– Нет, это в первую очередь потребность моей души. Но вы правы, детям тоже нравится, – отвечает серьезно.

– Ясно, – откашливаюсь и тянусь к кофе.

Ее прямой взгляд навывлет и чистосердечная серьезность пробивают даже меня.

Смотрю на нее поверх чашки, пока делаю глоток.

Дверной колокольчик обращает внимание Афины на себя. Я поворачиваю голову в ту же сторону. В пекарню заходит мужик с двумя шумными девчонками-близняшками. Смеются они или дерутся – понять невозможно. Все смешалось в один розовый пестрый клубок их зимних комбинезонов.

– Лия, Мия, что будете? – авторитетно гаркает на них отец, подходя к прилавку.

Девчонки галдят наперебой, тыча носы в стеклянную витрину, а потом одна из них замечает Афины и, позвав сестру, срывается к нашему столу.

– Аина Ёбитовна, Аина Ёбитовна! – захлебываются восторгом они.

Ёбитовна?!

Мне стоит немалых трудов, чтобы удержать губы на месте.

Отец ловко ловит девчонок за капюшоны, тормозит их:

– Стоять! Извините, Афина Робертовна, – добродушно и уважительно улыбается моей соседке по столу, – прямо не могут расстаться с вами! – посмеиваясь, кивает на своих дочерей.

– Ну что вы. Знаете, как мне приятно, – расплывается в невероятно теплой улыбке Ёбитовна и подмигивает девчонкам. – До среды, да?

– Да! – в унисон вопят мелкие и, успокоившись, возвращаются к витрине с пирожными.

– А вы точно логопед? – не удержавшись, подмечаю.

Афина округляет глаза, в которых вспыхивает искра. Щеки багровеют.

– Что вас смущает? – спрашивает с вызовом. – Простите, но с собой у меня нет документа об образовании.

– Придется поверить вам на слово, – усмехаюсь. – В любом случае с дикцией у моего сына все прекрасно.

– У вашего... сына... – проговаривает задушено, будто эту информацию я обрушил на нее как снег на голову.

6. А я помню!

Афина

– Сколько... – сглатываю, – вашему сыну? – уточняю. Стараюсь, чтобы голос не дрожал так заметно, но дается мне это с большим трудом.

– Восемь, учится во втором классе. Лариса Ивановна вам разве не говорила? – выгибает бровь Михаил, глядя на меня с подозрением. – Мне кажется или информация о ребенке вас будто удивляет? Вы же не для *меня* устраиваетесь няней, – с сарказмом усмехается он.

Это отрезвляет. Прямо как хлесткая пощечина.

Крестная говорила. Но как Мишу узнала, вьюгой даже собственное имя из головы вынесло, не то что рассказы Ларисы Ивановны. Однако я отрицательно мотаю головой, давая понять собеседнику, будто в самом деле ничего не знаю о ребенке, и чтобы не выглядеть полумной.

Михаил вкратце повторяет информацию о сыне.

Сын... Семь лет назад у Миши был сын. Была любимая женщина, и она родила ему ребенка...

Осознание этого выбивает из колеи, которой старалась держаться с момента, как увидела Мишу. Михаила. Обрато вернуться в колею сложно. Тем более тогда, когда он так смотрит. Мне в лицо, на шубу, волосы, ногти на моих пальцах, снова на шубу... Быстро, как молния, остро, как лезвие, оценивая, с насмешкой. Но даже в этом взгляде я узнаю знакомые черты.

Спустя семь лет я вижу знакомые черты буквально во всем – как он щурится и как этот прищур рождает морщинки вокруг его серо-голубых глаз. Знакомый цвет волос, линии лица, которое стало мужественнее, взрослее, серьезнее... Хотя уж куда более. В нем и семь лет назад не было ничего мягкого, компромиссного. Он был непробиваемым металлическим щитом, а я все равно умудрилась влюбиться. Доверчивая, девятнадцатилетняя девчонка влюбилась в мужчину, у которого, оказывается, был сын. Семья!

Мои ладони становятся влажными. Внутри все холодеет.

Сейчас я даже рада, что он меня не узнал. Сейчас, я хотя бы понимаю, почему семь лет назад он исчез из моей жизни без предупреждения и не попрощавшись.

– Я вас поняла, – произношу ровно насколько это возможно. О том, что мой голос проваливается, догадываюсь только я, ведь мужчина, сидящей напротив меня, не узнает и его.

Я помню его голос. Тембр, звучание... Оказывается помню. По телефону не узнала, хоть и царапнуло что-то внутри, а сейчас вся картинка сложилась.

– Ну раз мы все прояснили, тогда перейдем к делу, – его тон сдержанный и безупречно сочетается с внешним видом. Костюм, рубашка, галстук...

Семь лет назад я ни разу не видела его таким деловым, но я знала, что он очень занятой, очень важный, серьезный. Он казался мне недостижимым. Взрослым настолько, что рядом с ним я себя чувствовала несмышленым ребенком. Он смотрел на меня так – со снисхождением. И сегодня у него есть все шансы заставить чувствовать меня так же, но я научилась быть взрослой и самостоятельной. Ведь кроме как на себя мне и положиться не на кого...

– ...Слава отказывается делать домашнее задание на продленке, а у меня совершенно нет ни времени, ни желания сидеть с ним за уроками по вечерам, – продолжает Миша. Я слушаю его через слово. Просто рассматриваю как мужчину. Широкие плечи, волевой подбородок, аккуратная щетина, внимательные глубокие глаза... – Мы с сыном живем вдвоем, а я очень много работаю...

Я знаю. Крестная сказала. Что мальчику в ее классе нужна помощь. Что предложила меня в качестве няни родителю. Михаилу.

Сколько в мире мужчин с таким именем? У меня в тот момент ничего не екнуло даже при том, что мой первый мужчина, которому я доверилась, был Михаилом... Просто большим, надежным, как мне казалось, Мишей.

Если бы я знала, что Михаил окажется тем самым «надежным» Мишей, меня бы здесь не было.

– ... сыну необходим человек, который бы помогал ему с домашней работой и следил за его оценками в школе вместо меня.

Я делаю вид, что внимательно слушаю. Я слушаю и заставляю себя не реагировать на вращающиеся в голове вопросы – почему он живет с ребенком один, где мама мальчика и прочее. Я блокирую эти вопросы, ведь ответы на них – слишком личная информация, которая мне ни к чему – на эту работу я не соглашусь.

Наверное, к лучшему, что он не узнал меня. Семь лет назад я была угловатой, корявой девчонкой с короткой стрижкой, выкрашенными в блонд волосами. В джинсах и безразмерных худи бежевых оттенков.

А я бы... я бы все равно его узнала, даже если бы он явился в эту пекарню в розовом парике и на каблуках!

Ну и хорошо. Пусть и не вспоминает! И я тоже не хочу ничего вспоминать, потому что, судя по всему, семь лет назад наши отношения казались чем-то глубоким, настоящим, серьезным исключительно мне.

– ...взять под контроль школьные чаты, электронный дневник. И... коммуникацию с Ларисой Ивановной, чтобы впредь она беспокоила меня только по адски неотложной необходимости, – Михаил подается корпусом вперед через стол, переплетая в замок пальцы, на которые роняю короткий взгляд. – Я вижу вашу работу так: вы забираете Славу с продленки в шесть, отводите домой, занимаетесь уроками. Примерно до девяти. Дальше свободны. Ну и до шести вы соответственно свободны тоже. В случае, если мне потребуется уехать в командировку или возникнет необходимость выйти на работу в выходной, я готов выслушать ваши условия. Но хочу сразу уточнить, чтобы вы не пугались, подобное будет происходить не часто. Что касается основной оплаты... – Михаил задумывается, постукивая большими пальцами друг о друга, – я не в курсе местных расценок да и вообще... всего... – произносит слегка растерянно.

Воспользовавшись его заминкой, решаю закончить эту мучительную для меня встречу, ведь соглашаться на эту работу я все равно не планирую.

– Вы хотите, чтобы я три часа по будням просто делала с вашим ребенком домашнюю работу... так? – уточняю.

– Да, – кивает Михаил. – И чаты!

– И чаты... – рассеянно глажу столешницу, – Михаил... Сколько бы вы ни решили мне платить, вряд ли это так уж много за три часа. А значит, мне лучше не увольняться, чего я и так, признаться, очень не хотела. Я не набиваю себе цену, не подумайте. Но в детском центре все занятия как раз вечером, мне пришлось бы полностью перекроить график, кому-то из моих детей было бы неудобно, и я... – закусываю изнутри щеку. – В общем, извините за беспокойство, но я, пожалуй, откажусь, – с трудом заставив себя растянуть онемевшие губы в вежливой улыбке, я поправляю ремешок сумки на плече, готовясь встать и уйти.

Михаил смотрит на меня исподлобья, раздраженно и хмуро. Будто я ему нож к горлу приставляю, а не стараюсь поскорее свернуть нашу неожиданную встречу.

– Девяносто тысяч в месяц заставят вас передумать? И из центра увольняться совершенно не обязательно, только с графиком разберитесь. Мне безразлично, чем вы занимаетесь до шести, – бросает мне в лицо предложение словно карты на стол.

Девяносто тысяч...

Я чуть не выпрыгиваю из шубы.

Девяносто тысяч в месяц за три часа работы в день?

– Что? Мало? – уточняет Михаил, видимо, заметив мою упавшую на стол челюсть и расценив шок на моем лице по-своему.

Я не в силах челюсть подобрать, потому что... О, господи, девяносто тысяч! Да мне в моем Образовательно-развивающем Центре нужно работать круглосуточно в течение пары месяцев, чтобы заработать такие деньги.

Под шубой мне становится жарко.

Пuls учащается.

Девяносто тысяч... Это большие... для меня это огромные деньги и решение многих проблем.

Михаил снова делает круг глазами по моему лицу. Ждет ответа, пока я борюсь сама с собой.

Девяносто тысяч...

Он меня не помнит, а я умею становиться глухой, слепой, немой, беспамятной, когда нужно. Я научилась.

Откашлявшись, хрипло произношу:

– Нет. Меня вполне... устраивает.

– Отлично, – усмехается. – Тогда давайте я познакомлю вас с сыном...

7. Первый блин комом

Повернув голову вправо, Миша, придав голосу громкости, произносит:

– Слава! Слав!

Поворачиваюсь в ту же сторону.

Через стол от нас сидит мальчик. Его светлые волосы такого же оттенка как у отца. Когда он отрывается от экрана телефона и поднимает лицо, его глаза – точная копия Мишиных: их разрез, цвет, та же «суровая» внимательность, с которой он смотрит, нахмурившись, на Мишу.

Перед ребенком две тарелки, на одной из них – бардак из хлебных кусков и салфеток.

– Иди сюда, – зовет его Миша, махнув рукой.

Я поправляю волосы, убирая их за уши, потом поправляю воротник любимой шубы, в которой до сих пор прею, пока, выскочив из-за стола, мальчик, как неваляшка в шуршащих штанах, семенит к нам. Он худенький. Объемная одежда не скрывает его тощего тельца, но черты Миши... они во всем! В том, как слегка ссутулившись, он двигается, как смотрит исподлобья.

Семь лет назад я не знала, что у мужчины, от которого я потеряла голову, был ребенок. Если бы знала... Я бы ни за что!

Мне было девятнадцать, я училась в пединституте на втором курсе в Томске. Жила в общежитии в комнате с еще двумя девчонками и с четверга по субботу подрабатывала официанткой в баре, чтобы свести концы с концами. Стипендии и маминых переводов мне хватало разве что на макароны с пережаренным луком и самый простой пакетированный чай.

В один из четвергов, обслуживая VIP-столики на втором этаже, я увидела *его*. Михаила. Вернее, это он меня увидел. Подозвал к своему столу, за которым сидели еще двое мужчин, и спросил, сколько и кому необходимо заплатить, чтобы столь прекрасная, юная нимфа приносила весь вечер напитки и закуски только им. Я дико смутилась, а через десять минут администратор освободил меня от работы. Я была изумлена, когда Миша пригласил прокатиться по ночному городу. Садиться в машину к незнакомому взрослому мужчине, пусть и невероятно красивому и обаятельному, я категорически отказалась, и тогда мы, отсеив от его приятелей за соседний столик, проболтали до закрытия бара. Я не помню о чем, это было так давно. Зато ясно помню ощущения легкости, веселости, окутывающего мужского очарования и моего восторга. Помню, какие лучистые у него были глаза в свете бликующих стробоскопов. Помню, что смеялась до слез над его шутками, а через десять минут мне казалось, что мы знакомы всю жизнь. А потом... Миша посадил меня в такси и сказал, что я удивительная, волшебная девушка, непохожая ни на кого. В тот момент я думала, что больше никогда его не увижу, и мне стало так горько.

Я проживала эту горечь все ночь, ворочаясь в постели в комнате общежития. Проживала утром, клюя носом на лекциях. Проживала, собираясь на работу в бар, и обслуживая клиентов. А к концу смены Миша пришел, и мы катались по ночному городу...

– Слав, знакомься – Афина Робертовна. Будет помогать тебе с уроками, ну и вообще... – представляет меня Михаил. Он мажет по мне глазами и снова выразительно задерживает взгляд на шубе.

Она мне нравится. Искусственный мех под альпака с окрасом зебры, но без привычных белых полос. Я, когда ее увидела, сразу влюбилась, ведь обожаю и тех, и других. Этой шубе уже четыре года, но ей сноса нет, а у меня денег на новую. Так что мы с шубой поддерживаем друг друга как можем. Судя по всему, мужчине, так часто удерживающему внимание на ней, она нравится тоже.

Я перевожу взгляд на мальчика. Его брови съезжаются, образуя глубокую вертикальную впадинку на лбу.

– Приве...

Я не успеваю договорить, как Слава, сжав кулачки и даже не удостоив меня коротким вниманием, взвизгивает:

– Я не хочу! Я сам! Я уже взрослый! Мне никто не нужен...

– Слава... – подается к нему Миша. Его линия челюсти напряглась, как и он сам, брови сведены, а я взволнованно мечусь глазами между ними двумя.

– Мы же договаривались! – лицо ребенка краснеет будто вся кровь к нему прилила. – Ты обещал! – выкрикивает он.

Миша шумно выдыхает.

– Слав, давай без...

– Нет! Ты предатель! Предатель! Верни меня домой! Я хочу домой! Не нужна мне никакая тетка! Я к маме хочу! – прокричав это, ребенок срывается с места. Рывком хватая куртку со стула и несется к выходу.

У меня сжимается сердце. Словно его ладонью сдавило.

Я смотрю на Мишу. Выражение его лица идет рябью, описывая весь отрицательный спектр эмоций от раздражения и злости до вселенской усталости.

– Да твою ж мать... – тянет он, сводя брови к переносице, а затем резко встает из-за стола, чуть не перевернув его прямо на меня.

– Слава! Стой! Иди сюда! – громко рявкает Миша вслед ребенку, который уже вылетает за дверь. Михаил рывком сдергивает со спинки стула пуховик и, возвышаясь надо мной, произносит твердо и решительно: – я вам позвоню. Всё в силе. До завтра...

Я провожаю его спину немигающим взглядом. Ошарашенно смотрю, как крупная фигура исчезает за входной дверью, в которую с улицы успевают просочиться несколько бесстрашных снежинок.

Это что сейчас было?

Моя грудная клетка опадает. Будто я и не дышала.

Вопросы в голове начинают хаотично толкать друг друга, перебивать.

Что случилось в их семье? Почему ребенок живет с отцом? Где его мама? Очевидно же, что он тоскует по ней!

Мне трудно дышать. Сердце до сих пор щемит.

Бедный мальчик...

Я смотрю в большое панорамное окно, украшенное снежинками и блестками.

Теперь предложенная Мишей сумма окрашивается отнюдь не в радужный оттенок, а черных полос в последнее время мне хватает с лихвой. Нужны ли мне лишние? Даже за девяносто тысяч рублей.

Растерянно поднимаюсь со стула. Осматриваюсь, чтобы ничего не забыть.

Застегиваю шубу, надеваю шапку и варежки. Два раза оборачиваю шарф вокруг шеи, не переставая думать о мальчике.

Дверной колокольчик провожает меня грустным переливом, когда выхожу.

Мелкий снег превратился в обильный снегопад. Под светом фонаря он сыпет как косой дождь.

Поднимаю лицо, и к нему тотчас прилипают снежинки. Я шурюсь, а потом слизываю их с губ.

Тепло салона автобуса разнеживает. Я прислоняюсь виском к холодному окну и прикрываю глаза. Совершенно удивительный день. Станный, необычный, волнующий, грустный... Перебираю в голове все события сегодняшнего дня, задерживаюсь на светловолосом мальчике, а потом на его отце...

Неожиданная встреча спустя семь лет, за которые я особо и не думала о Мише. В первый год после его исчезновения вспоминала, а потом... продолжила жить. Лишь какой-то фантомный образ отложился на подкорке как визуализация идеального для меня мужчины. Но, судя по сегодняшнему дню, реальный Михаил очень далек от идеала. И хорошо, что он меня не помнит. Потому что я, видимо, помню совсем не его, а фантазию в своей голове.

Пыхтя, автобус останавливается по требованию на моей остановке.

Подняв воротник шубы, я бреду вдоль празднично украшенных витрин магазинов, ловя на себе насмешливые взгляды прохожих, и неизменно останавливаюсь у самой красивой. Прилипаю к стеклу носом. За ним – новогодние снежные шары разных размеров. От милого маленького до грандиозного большого. В одном — волшебный замок, в другом – веселый снеговик, а в третьем – новогодняя елка, и, если шар потрясти, на нее посыплется искрящийся снег!

Я люблю всю эту предновогоднюю суету. Люблю снег, люблю зиму, люблю запах мандаринов и горячего кофе на морозе!

Я знаю, что подарю маме на Новый год. Во-он тот снежный шар! Внутри которого сказочная лубяная избушка, прямо как наш уютный дом, по которому мы обе скучаем, пока наша «не сказочная избушка» повернута к нам задом.

Вздыхнув, сворачиваю с проспекта и попадаю в заснеженный переулок. Минуя его – во двор. Этот путь я отточила до механики.

В пустом дворе бросаю тоскливый взгляд на качели. Ржавые, скрипящие, сиротливо покачивающиеся на стылом ветру...

Сегодня я прохожу мимо них.

Захожу в подъезд и поднимаюсь на второй этаж среднестатистической старой пятиэтажки.

Открываю дверь своим ключом.

– Иночка, это ты? – слышу голос Ларисы Ивановны из кухни, когда захожу в квартиру.

8. ОПГ «Девочки»

– Да, это я! – кричу в ответ крестной из прихожей, кладя шапку на полку и размазывая шарф. – Ой! Извините, забыла спросить: надо ли что-то в магазине?! – спохватываюсь, и моя рука с шарфом замирает в воздухе.

– Ничего не надо. Мы уже сходили, – тётя Лариса, в переднике и с полотенцем в руке, показывается из кухни и впивается в меня взглядом полным надежды. Я даже теряюсь. – Всё срослось?! – спрашивает вкрадчиво, косясь за плечо.

– Ну-у-у... – неопределенно тяну, вешая на крючок шубу.

Ощущения такие странные после собеседования и в целом от встречи. Противоречивые. В голове пульсирует мысль вообще отказаться от этой работы, и плевать на деньги.

– Так! – мгновенно гневается крестная. – Это что еще за «ну»?! Он посмел тебя не взять?! – возмущается шепотом.

– Взял, – уныло отзываюсь, садясь на пуфик и расшнуровывая ботинки.

Тетя Лариса шумно выдыхает, соединив на лбу посеребренные брови.

– И за сколько взял? – возбужденно уточняет она. Этот вопрос до того двусмысленно звучит, что невольно растягиваю губы в улыбке. А через секунду она сползает, когда слышу мамин голос:

– Между прочим, я вас слышу! Неприлично шептаться за моей спиной. Вам не стыдно? – обиженно вопрошает она, после чего из кухни доносится всхлип.

Поджимаю губы, глядя на Ларису Ивановну снизу-вверх.

– Опять плачет? – шепчу.

Крестная, вздохнув, разводит руками.

Опять...

Еще этого для полного счастья не хватало. Если сегодня мироздание решило проверить меня на прочность, так для него и себя у меня неутешительные прогнозы – я в шаге от того, чтобы повеситься на любимых желтых колготках.

Сердце снова болезненно сжимает.

– Ну-ка, выше нос! – командует крестная, видимо, прочитав мои мысли. – Рая, а мы не стыдливые! – кричит маме, успев подмигнуть мне на манер «сейчас всё порешаю». – Стыдно, когда в паспорте тебе шестнадцать, а в зеркале – семьдесят, – тётя Лара скрывается за углом, и уже из кухни я дослушиваю продолжение её умозаключений, для которых давно пора завести отдельный словарь афоризмов Панюшкиной Ларисы Ивановны. – А нам нечего переживать, правда, Рай? Нам всегда по восемнадцать: и в паспорте, и в душе, и в зеркале!

– Ну с зеркалом, Ларочка, ты, конечно, перегнула, – слышу, как игриво вздыхает мама, – уж не восемнадцать... Двадцать пять! А в остальном соглашусь.

Когда слышу веселые нотки в мамином голосе, удается расслабиться. Не настолько, чтобы ощутить легкость, но хотя бы перестать чувствовать будто в позвоночник воткнули спицу. Если бы не крестная, я не знаю, что было бы с мамой и со мной. И я глубоко благодарна тетя Ларисе, что командование нашим тонущим кораблем она взяла на себя.

Моя мама – заслуженный учитель истории в прошлом. В настоящем она — пенсионерка, ипохондрик, любительница картин по номерам и, как оказалось, доверчивая словно пятилетний ребенок, которого облапошить проще простого.

Я стараюсь отпустить ситуацию, не злиться на доверчивость мамы и поверить в лучшее, но вопрос «как же так?» периодически разъедает во мне черную дыру.

Я понимаю, что мошенники не зря едят свой хлеб, но все равно даже представить себе не могу, что они смогли бы повернуть то, что удалось с мамой, с той же тетей Ларисой.

Вообще, мама и крестная как день и ночь, и тем удивительнее, что они дружат практически с самого рождения. Если мама всегда была мечтательной, болезненно интеллигентной и обожала античную литературу, то Лариса Ивановна принадлежала к породе женщин, останавливающих коней и входящих в горящую избу. Разве что крестная потом в этой избе и сама бы ремонт сделала, и субсидию бы выбила максимальную на этот ремонт от государства. Ее неизменному оптимизму, не мешающему при этом мыслить рационально, можно только завидовать. И сейчас мы с мамой, кажется, только на этом оптимизме и держимся – столько разом навалилось проблем.

Закончив раздеваться, иду в ванную, мою руки. В гостиной, отведенной нам с мамой для временного проживания, переодеваюсь в домашнее, после чего плетусь на кухню к своим «девочкам».

Меня окутывает теплом разогретой духовки и сочными ароматами запеченной курицы. Тетя Лариса бойко нарезает салат, одновременно умудряясь домывать освободившуюся после готовки посуду. Мама сидит за небольшим столиком у стены с меланхоличным видом. Перед ней маленькая бутылка армянского коньяка, крохотная фарфоровая чашка кофе и раскрытый старинный альбом с фотографиями. Разглядывать кадры из своей юности по вечерам – их с тетей Ларисой любимое занятие.

– Мам, коньяк на ночь? У тебя же давление! – цокнув, напоминаю.

Мама вскидывает аккуратный, тонкий, аристократичный подбородок и, повернув ко мне голову так словно сделала великое одолжение, произносит:

– Врачи уверяют, что пятьдесят граммов коньяка за ужином – не только полезно, но и мало.

Теть Лариса взрывается хохотом. Мама, утонченно взяв рюмку двумя пальцами, допивает остатки коньяка, после чего пригубляет из чашки с кофе.

Я морщусь.

– Мам, коньяк проблем не решит, – все же настаиваю на своем.

– Молоко, знаешь ли, тоже! – вставляет тетя Лара. – Коньяк хотя бы старается...

Теперь хохочет мама, а через секунду мои «девочки», отбив друг другу «пять», утирают слезы от смеха.

Я закатываю глаза. Они невозможные – эти «девочки».

– Садись, – командует крестная, поставив передо мной тарелку, – и рассказывай, как сходила.

– А куда ты ходила? – интересуется мама. Мы с тетей Ларисой о моем собеседовании пока не докладывали, решив не внушать ей лишних надежд понапрасну. У мамы и без того «нервы». – На свидание?

Ну, можно и так сказать. На свидание с прошлым.

Медленно опускаюсь на стул. Взгляды мамы и крестной прожигают мое лицо до ощущения физического дискомфорта.

– Мам, я была на собеседовании. Одному из учеников тети Ларисы срочно нужна няня, – сообщаю, наблюдая, как у мамы тонкие брови театрально ползут вверх по лбу, а рука тянется налить еще рюмку. Отставляю от нее коньяк и пододвигаю блюдо с лимоном. Молча берет и, даже не скривившись, начинает жевать в ожидании продолжения.

– В общем, – перевожу взгляд на крестную, а потом опускаю, – Михаил взял меня на работу с завтрашнего дня. По будням с шести до девяти, – начинаю сухо излагать факты, разглаживая скатерть перед собой и стараясь избегать любопытных, сверлящих меня глаз. – Придется в срочном порядке перекраивать расписание в Центре. Мне не очень такое подходит. Об этом я сказала Михаилу, но, кажется, тетя Лариса была очень убедительна в просьбе меня нанять, – не сдержав иронии, снова кошусь на крестную.

А та и не думает отрицать!

– Что-то мало часов, – фыркает она, – надо было и от продленки его отговорить, – хмурится обеспокоенно. – И сколько ж предложил, Иночка? Копейки? Если пожадничал, так я еще с ним поговорю! – воинственно задирает подбородок.

– Нет, не надо! – выпаливаю, испугавшись подобной перспективы. – Много предложил! Очень много! Девяносто тысяч!

На кухне повисает гробовая тишина. У тети Ларисы и мамы синхронно отъезжают челюсти.

После пары секунд пронзительного молчания мои «девочки» оживают одновременно.

– Слава Зайцев! – поднимает руки кверху крестная.

– Есть Боженька, есть! – шепчет, крестясь, мама. В ее глазах уже появился проблеск надежды с тарифом «девяносто», и я понимаю, что теперь точно обратной дороги нет, и мне придется согласиться.

Мы с мамой фактически бездомные. И предложенные Михаилом деньги – отличное подспорье, потому что на судебные разбирательства отдали последние трупы.

– Мог бы и до сотки догнать. Что десятку-то зажал... – ворчит тетя Лариса.

– Девяносто тысяч... – качает головой мама. – Такие деньжищи за три часа! Лара, а он не обманет? – тревожится она, обращаясь к подруге. – А то ж помню этого полковника ФСБ по телефону. Тот тоже по голосу такой представительный мужчина был, такой... ой, не могу, – всхлипнув, отмахивается. Протягиваю руку и ловлю мамину влажную ладонь, поддерживая, как могу. – И как убедительно говорил! Государство о вас заботится, Раиса Робертовна! В течение суток квартиру срочно продаете – и всё на депозит... Мы вас по телефону подробно проконсультируем... – причитает.

– Рая! – тормозит маму крестная. – Ну что ты такое говоришь? – всплескивает она руками. – Как он обманет, если его сын со мной каждый день по восемь часов! Так что всё плохое забываем! И радуемся, девочки! Радуемся!

– Между прочим, его сын мне не рад, – признаюсь, не разделяя их восторгов. —Когда Михаил нас знакомил, Слава выкрикнул, что хочет к маме и никто ему не нужен, а потом убежал. Теть Ларис, что у них там в семье происходит? Вы говорили, что нет матери. А она, выходит, есть? Михаил его, случаем, не похитил?!

– Что ты! Избави бог! Было бы разбирательство, мы бы знали. Насколько мне известно, Иночка, мать есть, и сын жил с ней до недавнего времени, но Михаил его забрал. По какой причине – он особо не распространялся. Не знаю, что у них там... Но нам-то какое дело, да? Лишь бы платил, – тетя Лара подходит сзади, обнимает меня за плечи и целует в макушку. – Все хорошо будет. Вот чувствует мое сердце.

Обнимаю ее руки в ответ. Настоящая фея-крестная...

9. День первый

Афина

Я стараюсь никогда не опаздывать. Если в запасе менее пятнадцати минут, я начинаю нервничать и метаться внутри себя. Это ощущение ужасное, и я стараюсь не доводить до него.

Сегодня сумасшедший снегопад. Просто катастрофический. Оттого на дорогах страшные пробки. Особенно сейчас – в час-пик.

Меня ждут к семи. До этого времени десять минут, а значит, я опаздываю, потому что мой автобус, на котором приехала, попал в километровый затор.

Глядя на светофор, отсчитываю про себя последние секунды, и как только загорается зеленый для пешеходов, срываюсь со всех ног с учетом того, что эти самые ноги меня не несут. Это очень странное состояние – когда ответственность и смятение между собой спорят.

Под ногами хлюпает жижа, в наушниках звучит Банда «Ты нужна мне», пока перебегаю дорогу.

Миша позвонил мне сегодня в десять утра. Увидев его имя на экране телефона, я чуть со стула не упала. Я записала его как Михаил. Семь лет назад в моем телефонном справочнике так и не появилось его имени... Семь лет назад он взял номер моего телефона и ни разу им не воспользовался. Он взял его в последнюю ночь перед тем, как исчезнуть. Видимо, из вежливости, ведь странно переспать с человеком и так и не поинтересоваться хоть какими-то его личными данными.

Впрочем, я тоже мало чем интересовалась, но я была по уши влюблена и наивно уверена, что у нас еще будет время все обсудить и узнать друг о друге. Я была очень глупой в свои девятнадцать.

Сейчас в моем телефоне есть его номер, и от этого приобретения я не испытываю порхания бабочек в животе. Семь лет назад эти бабочки, заполучив номер мужчины, с которым я по наивной глупости нарисовала себе будущее с тремя детьми и собакой, повзрывались бы как бомбочки с разноцветной краской.

Мы с моим потенциальным работодателем договорились, что встретимся сегодня у него дома в семь и продолжим знакомство с ребенком. Миша заверил, что все уладил. Меньше всего мне хочется стать для его сына чем-то вроде ошейника.

Я плохо спала ночью. Точнее я уснула под утро, когда пора было вставать. Крутилась в раскладном кресле волчком, словно меня кто-то кусал. Меня кусали мысли, щипали воспоминания и изводили сомнения. Совершенно точно мне будет сложно работать даже с учетом того, что Миша меня не узнал. Мне все равно будет сложно пересекаться с ним, а это неминуемо.

Мне было бы легче, если бы семь лет назад Миша просто исчез, если бы я стала его мимолетным развлечением. А теперь, когда знаю, что мой первый мужчина растил сына и обманывал жену, мне омерзительно от самой себя.

Перебежав дорогу, поднимаю лицо. Ловлю им тяжелые, жирные снежинки.

Указанная в сброшенном Мишей адресе многоэтажка возвышается над другими домами в округе. Этот ЖК построили не так давно, он почти что местная достопримечательность, и я любуюсь подсветкой высотки, едва не поскользнувшись. Я не удивлена, что Миша живет здесь. И так понятно, что он может позволить себе роскошную квартиру,

Банда в плейлисте сменилась на энергичную «Он тебя целует» Руки Вверх, и припустив под нее в шаг, устремляюсь к калитке в заборе, которым обнесен жилой комплекс. Оказываюсь во дворе спустя пару минут сканирования уровня «Пентагон», потом активно верчу головой по сторонам, пытаюсь разобраться в нумерации корпусов, и когда нахожу второй, прохожу жесткий фейс-контроль еще и там, прежде чем попадаю в подъезд.

Обиваю от налипшего снега ботинки. Снимаю рукавички и прячу их в карманах шубы. Господи, боже мой... Я могла бы здесь жить. Честное слово, прямо в холле подъезда. Спать на диванчике, который выглядит гораздо удобней, чем скрипящее при каждом движении раскладное кресло.

Роскошь сочтется буквально с каждой люстрой, с каждого светильника. Отскакивает от глянцевой плитки на полу, в которой вижу свое взболтанное отражение, – настолько он чистый. Стерильный.

Подняв лицо, разглядываю потолок в подъезде как выползшая из леса.

Если продать все эти люстры, можно было бы расплатиться с адвокатом.

Миша сказал, что они живут на двенадцатом этаже, я оказываюсь на нем, моргнуть не успев.

На площадке, как в люксовой гостинице, – множество дверей, но я четко следую указателю-табличке и нужную квартиру нахожу в два счета.

Мнусь под дверь, занеся руку к дверному звонку.

Потом осматриваю себя, поправляю шубу, снимаю розовую шапку.

Я волнуюсь, и мои ладони влажные. У меня был опыт репетиторства на дому, но отец моего ученика не был моим бывшим мужчиной. И думая о том, что сейчас увижу Мишу, я чувствую спицу в позвоночнике, не дающую легкости моей спине.

Набрав в легкие воздуха, выжимаю звонок.

Мне открывают через пару секунд. Это Миша, и при виде его мое сердце подскакивает, ведь на нем темно-зеленая футболка и серые спортивные штаны. Он выглядит... Он выглядит как мужчина, а не отец ребенка, к которому я пришла в качестве няни.

Я замечаю красивые мужские руки, испещренные тугими венами и покрытые золотистыми волосками, тень легкой небритости, выступившей к вечеру на лице, по-домашнему взъерошенные более длинные русые волосы на макушке, широкую грудную клетку, обтянутую футболкой, и... Мои щеки вспыхивают, а глаза судорожно взлетают выше, когда добираюсь взглядом до очертания проглядывающей выпуклости в паху. И кто эти трикотажные штаны только придумал?!

– Добрый вечер. Проходите, – произносит Михаил ровно, когда как я начинаю усиленно потеть под шубой.

– Здравствуйте. Спасибо, – опустив глаза в пол, вхожу в прихожую, залитую ярким светом. Она просторная – всё, что удастся разобрать моему поплывшему мозгу, потому что он сконцентрирован на совсем другой информации, которую ему передают глаза. Я смотрю на босые стопы Миши. Он босиком, и это почему-то кажется чем-то интимным на грани пристойности.

Отрываю взгляд и начинаю метаться в поисках того, на что можно было бы приткнуться сумку.

– Давайте поддержку, – предлагает Миша, словно читая мои мысли, в которых секундой ранее я нашла в его стопах нечто будоражащее.

– Спасибо, – вручаю ему сумку и начинаю расстегивать деревянными пальцами шубу, которая спустя пару секунд тоже оказывается в мужских руках.

Расшнуровав ботинки, выпрямляюсь, и когда поднимаю лицо, замечаю Мишин взгляд на своих волосах. Быстрый, молниеносный, но я успеваю его заметить, как и на мгновение поднятый вверх уголок губ.

Тянусь за шубой и сумкой.

– Я уберу, – сообщает Михаил, вернув мне сумку. Шубу отправляет в шкаф.

Я нервничаю. Даже дышу через раз. Стараюсь не крутить головой по сторонам, чтобы не выглядеть дикаркой, но мне страшно любопытно.

Наши взгляды встречаются. На мгновение, потому что свой я сразу отвожу, а Мишин сползает с моего лица по шее и изучает свитер в желто-черную полоску, юбку и колготки. Они черные в желтый горох.

– А где Слава?

– Он сейчас выйдет, – отвечает хозяин квартиры.

– Хорошо, – киваю. – Можно... помыть руки? – интересуюсь смущенно.

– Ванная в вашем распоряжении. Направо... – Миша кивает за плечо.

Поблагодарив, опускаю глаза, глядя себе под ноги, и иду в указанном направлении.

Не сразу нахожу выключатель. Потому что его нет, свет зажигается автоматически, когда вхожу. Закрываю за собой дверь и позволяю себе выдохнуть, плечам упасть, а спице в позвоночнике стать гибкой проволокой.

Ванная тоже просторная. Настолько, что смогла бы составить конкуренцию нашей с мамой квартире. Скольжу взглядом по стенам, подмечая детали – на раковине стаканчик с двумя зубными щетками, на крышке переполненной корзины для белья поверх навалена еще гора скомканной, не вывернутой одежды, хотя кафель и сантехника ослепляют своей чистотой. Около душевой лужа... На крючке два белых банных полотенца. Ничего уютного. Исключительно по-мужски, а я бы на пол у душевой постелила бы разноцветный коврик, а полотенца были бы у меня яркими и мягкими, как облака.

Подхожу к раковине. Уперевшись глазами в зеркало, запинаясь об отражение. Бросаю сумку на пол рядом с собой и стремглав открываю кран. Смачиваю ладони и пытаюсь пригладить наэлектризованные торчащие во все стороны волосы. Меня будто грозой шибануло. Ужас! Я что, в таком виде перед Мишей предстала? Поэтому он так выразительно на мои волосы смотрел? Позор!

Сердце со стыдом частит. Щеки краснеют.

Привожу себя в более-менее оптимальный вид, мою руки.

Выхожу из ванной и буквально славливаю кратковременный инфаркт. Стоя у противоположной стены, на меня смотрит Слава. Из-под сдвинутых к центру лба бровей.

– Привет, – произношу, натянуто улыбаясь. Сердце обещает выпрыгнуть из груди – я нас настолько испугалась.

– Здравствуйте, – бормочет он. – Моя комната там, – подняв руку, он указывает на дверь в конце коридора.

– Здорово, – выдавливаю из себя.

Судя по всему, Мише действительно удалось договориться с сыном. Меня хотя бы не игнорируют и со мной даже поздоровались.

Иду за Вячеславом. В прихожей Миши уже нет. Вероятно, с этого момента началась моя работа, хоть я и думала, что для начала мы все же пообщаемся втроем, обсудим кое-какие моменты.

Ну раз так. Что ж...

Комната Славы погружена в полумрак. На рабочем столе горит лампа – и это единственное освещение, не считая горящего экрана ноутбука. На нем включена какая-то игра, кажется, Роблокс. Я хоть и не специалист, но, работая с детьми, пусть даже в основном дошкольного возраста, хочешь-не хочешь, а начнешь разбираться в современной игровой индустрии.

Делаю пару шагов внутрь и останавливаюсь, продолжая изучать рабочий стол. Рядом с ноутбуком валяются большие наушники, еще стоит тарелка с недоеденным горячим бутербродом и лежит раскрытая пачка чипсов... Никаких учебников или хотя бы тетрадки с ручкой не наблюдается.

– Слава, я включу свет? – спрашиваю у затылка Славы, который демонстративно снова сел за игру и нацепил на голову наушники.

Ответом мне служит тишина. Ясно.

На ощупь шарю рукой по стене и нахожу выключатель. Через секунду комнату заливают электрическим желтым.

– А у тебя хорошо, – я вру, озираясь.

На самом деле мне не нравится. Это не комната ребенка, а скорее больничная палата. Все белое и бежевое, напрочь лишённое ярких акцентов. Игрушек не видно. Узкая кровать с матрасом была когда-то застелена скотканым сейчас серым тонким пледом, на котором замечаю книгу – «Приключения Тома Сойера». Интересно...

Рядом с кроватью большой белый шкаф-купе с одной зеркальной дверью, у окна длинный письменный стол, который, похоже, используется только как компьютерный. И в общем-то всё. Ни турника, ни постеров, ни веселых деталей, которые так любят дети. Даже пол человека, проживающего здесь, невозможно угадать. В углу валяется раскрытый рюкзак, там же прямо на полу небрежно брошена форма.

– Слав, мы же собрались заниматься, – вздохнув, напоминаю ему, подходя к столу и опуская сумку на пол.

Молчит, уставившись в монитор.

– А где мне сесть? – интересуюсь громко, не сдаваясь.

Скашивает на меня взгляд.

– Стулья есть на кухне, – отвечает через губу.

– Принесешь?

Медлит, но потом все-таки нехотя встает и плетется из комнаты.

Прихватив с письменного стола грязную посуду, иду вслед за ним. Мало ли, стул тяжелый и надо помочь. С виду сын Миши совсем воробушек. Комплекцией точно не в него.

– Что тебе задали? С чего начнем? – стараюсь звучать как можно бодрее и дружелюбней.

– Не знаю... – бурчит себе под нос Слава.

– Не знаешь с чего начнем?

– Не знаю, что задали, – уточняет.

– Ну вы же начинали делать на продленке... или нет?

– Я нет, – отрезает Слава.

– Почему?

Молчит.

Растираю лоб, чувствуя, как начинает болеть голова от этого постоянного тихого саботажа.

– В дневнике должно быть, – говорю вслух.

– У нас нет дневников.

– А электронные?

– У меня нет. У папы, – отправляет меня к отцу, и все это с таким видом, будто каждое слово ему дается с трудом.

Я стараюсь не поддаваться ощущению, что ворочаю булыжники, а не говорю с маленьким ребенком. Стараюсь! Но с каждой секундой не делать этого всё тяжелее и тяжелее.

– Ладно, схожу к папе, – вздыхаю вслух.

– Его спальня там, – кивает Слава в нужном направлении и подхватывает стул у кухонного стола.

Завороженно смотрю на закрытую дверь в глубине темного коридора.

Значит, спальня...

«Ну я же по делу, да?» – убеждаю себя.

Вытираю вмиг повлажневшие ладони о юбку и направляюсь к комнате. Сначала стучу. Ответа нет. Прислушиваюсь. Звуков по ту сторону дверного полотна тоже нет. Стучу громче. Тишина.

Боже, ну почему все так неловко и с постоянными мелкими препятствиями?!

Набрав в легкие воздуха, нажимаю на ручку и заглядываю внутрь.

Миша лежит на огромной кровати в полутемной комнате. На его бедрах открытый ноут, на голове такие же большие как у Славы наушники, а босые пятки смотрят прямо на меня. Он такой домашний в этот момент, что я краснею, чувствуя себя чуть ли не подглядывающей за работодателем извращенкой.

– Извините... – приходится повысить голос, одновременно снова постучав по двери.

Михаил, наконец, отрывает от монитора взгляд и вонзает его в меня. В его глазах плещется удивление, и оно далеко не приятное.

Я виновато улыбаюсь.

Миша демонстративно отодвигает один наушник и вопросительно выгибает бровь.

– Нужен доступ к дневнику Славы, – сглотнув сухость во рту, поясняю свое вторжение.

– Да, нужен, – кивает Михаил, соглашаясь со мной, – я говорил вам об этом.

– Так дайте мне его.

– У меня нет, – просто отвечает Миша, смотря на меня как на тугоумную.

– И... где мне его взять? – я непроизвольно заливаюсь краской, и правда начиная чувствовать себя глупо. Оттого, как он смотрит на меня и каким тоном разговаривает.

– Вы *меня* об этом спрашиваете? Афина Робертовна, я уверен, что вы сможете что-то придумать, если постараетесь, – равнодушно пожимает плечами Миша, а в глазах бегущей строкой пестрит его истинное мнение по поводу моих умственных способностей.

Я стою словно оплеванная. Щеки болезненно вспыхивают, обида сдавливая солнечное сплетение. Так ты у нас газлайтер, да, мой нафантазированный «идеал» Михаил? А он еще и кивает на дверь за моей спиной, словно добивая.

– Извините, мне надо работать, – холодно произносит.

Вот же... чурбан!

– Хорошо, больше не побеспокою, – отрезаю я немного грубее, чем может позволить себе нанятый сотрудник, но плевать! Он все равно уже в наушниках меня не слышит, а мне хоть какое-то удовлетворение. И оно становится еще полнее, когда громко хлопаю дверью, уходя.

Пока иду обратно в Славкину комнату и проклиная на все лады надменную грубость Михаила, пишу крестной, чтобы уточнить домашнее задание. Через пару секунд мне прилетает несколько скриншотов из электронного дневника и подробными пояснениями. Отлично.

Завтра музыка, физкультура и два урока окружающего мира. То есть задано всего-ничего – сделать доклад по двум птицам из представленных категорий и всё. Поднимаю глаза вверх, благодаря ангела-хранителя за удачу хотя бы в этом!

В детской наблюдаю всю ту же картину. Славка в огромных наушниках пялится в монитор, на котором мелькают пиксельные персонажи, и старательно делает вид, что меня вообще не существует.

Стул, который он притащил из кухни, стоит брошенным посреди комнаты.

Беру его и приставляю рядом к столу.

Сажусь.

Стол, как и клавиатура ноутбука, в крошках, и прежде чем заняться домашней работой, я бы хотела навести порядок на рабочем месте, но желание исполнить свои обязанности и побыстрее сбежать из этого мрачного и тихого, как склеп, дома сильнее, чем всё остальное.

– Слава, – зову ребенка.

Он не обращает на меня внимание. Впрочем, меня это совсем не удивляет. Мысленно пожелав себе удачи, самовольничаю и отодвигаю один из наушников.

– Эй! – тут же возмущенно взвизгивает пацан, одарив меня суровым взглядом.

– Сейчас нам надо сделать уроки, – говорю ему тоном заклинательницы змей. – Я спросила у Ларисы Ивановны – там совсем немного. Только окружающий мир. Справимся за двадцать минут! И сможешь продолжить играть, – стараюсь звучать оптимистично.

– Не смогу! У меня карта! – капризничает Слава. – Меня сейчас съедят из-за тебя! – Дергает наушник на место, но я снова снимаю его и зарабатываю полный горящей ненависти взгляд.

– Хорошо, сколько до конца карты?

– Шесть минут... – бормочет, покосившись на монитор.

– Ок, доигрывай, я пока все подготовлю, – сдаюсь.

Слава, поджав губы, устремляет глаза в монитор.

Иду за его рюкзаком. В нем беспорядок и тоже крошки. Игнорирую.

Не торопясь, достаю все необходимое, поглядывая на экран, чтобы не обманул. Слава, заметив, что я немного соображаю в игре, не рискует хитрить и через шесть минут с громким страдальческим вздохом выходит из игрушки. Снимает наушники и, насупившись, смотрит на меня как на врага народа.

Лучезарно улыбаюсь в ответ, напоминая себе, что каких-то двадцать минут – и я буду свободна.

– Значит так... смотри: нам надо сделать доклад по двум категориям птиц на выбор, – развернув рабочую тетрадь по окружающему, стараюсь говорить как можно легче и веселее, – что тут у нас... Ага... Перелетные птицы, вымершие виды птиц, нелетающие птицы, ядовитые птицы, экзотические птицы, птицы-паразиты, домашние птицы...

– Паразиты и ядовитые, – перебивает меня Славка, ехидно сверкнув глазами.

– Хм-м-м... какой своеобразный выбор, – пытаюсь поддержать его первую инициативу по учебе за все мое время пребывания здесь. – И почему ты выбрал именно их? Чем они тебе интересны?

– Мне вот вообще не интересны, – пожимает плечами Слава, – просто подумал, что вы точно о них все знаете.

– Я?! – у меня отвисает челюсть. – С чего ты это взял?

Слава внезапно отворачивается и открывает поисковик. Вбивает «птицы-паразиты».

Открыв самое первое окно, читает с монитора:

– Подброшенный кукушкой птенец часто вылупляется первым и через несколько часов выбрасывает другие яйца из гнезда, разрушает его и наводит в чужом гнезде свои порядки... Прямо как вы.

Мне словно кулак в грудь всадили.

От такого обвинения и сравнения я на мгновение теряю опору под ногами.

Открываю рот... Потом тут же его закрываю, растерявшись.

– Слава, я... – отмираю спустя секунду, – я не...

– Не согласны? – перебивает меня ребенок, сверкнув газами, а потом неожиданно вскакивает с кресла и вылетает из комнаты. – Папа! Пап! – слышу из прихожей.

Мои глаза мечутся по комнате...

В груди булыжником ворочается недоумение.

Встаю и иду следом, а когда выхожу из комнаты, в дверях собственной спальни стоит Миша, которому Слава надсадно, будто сейчас расплатится, жалуется:

– Она... – тычет в меня пальцем, – она не считается с моим выбором! Она заставляет меня делать то что, ей хочется, а не то, что нравится мне!

Меня пригвождает к полу. Колени слабеют от впроторого Мишей недовольного, осуждающе – предупреждающий взгляда мне в лицо. Он с секунду полосует меня им, пока я утопаю в болоте несправедливого обвинения, а потом опускает лицо к сыну, говоря:

– Слав, давай без жалоб. Вы меня отвлекаете. Разбирайтесь сами... – из глубины комнаты доносится звук звонящего телефона. – Секунду... – роняет и разворачивается. Скрывается в комнате, из которой говорит уже не нам: – алло. Да...

Детские острые плечи падают, а потом Слава поворачивается ко мне.

Мы смотрим друг на друга и, кажется, оба понимаем, что на поле боя остаёмся одни и ни помощников, ни арбитра у нас нет. Потому то Мише плевать. И на меня, и на Славу.

Глаза мальчика сужаются. В них вызов. Опасный блеск, предупреждающий, что мне объявили войну...

10. День второй

Афина

Выдыхаю. Кажется, готово.

Захожу в электронный дневник, чтобы проверить – получилось зарегистрироваться или нет.

Всё получилось – страница открывается, и я сразу попадаю на вкладку успеваемости. В графе «Окружающий мир» за сегодня стоит пятерка.

При одном взгляде на название предмета у меня начинаются фантомные головные боли, потому что вчера под конец нашего занятия со Славой я была уверена, что вместо черепа у меня чугунный чан, по которому Угрюмов-младший от души постучал. Эта пятерка стоила мне сотню убитых нервных клеток.

Доклад фактически сделала я. И я бы могла сделать его за несчастных десять минут и спокойно пойти домой, но вместо этого потратила почти два часа на то, чтобы Слава принял хоть какое-то деятельное участие в выполнении домашнего задания. Бесполезно. Деятельным у Славика, которого я решила про себя называть Угрюмчиком, было только желание вывести меня из себя.

– ...и что здесь написано, Слава?

– ...я хочу в туалет. – Встаёт и уходит.

– Слав, как думаешь, этот факт выпишем?..

– Я устал, – голосом, полным страдания с последующим демонстративным падением головы на стол.

– ...ну давай я нарисую кукушку, а ты её раскрасишь...

– Мне что, пять лет, чтобы раскрашивать? Я не люблю рисовать...

– Хорошо, тогда выпиши вот это предложение, а я раскрасю...

– Я устал и еще хочу пить...

И в туалет.

И снова пить.

А потом он зевал...

А-а-а!..

И так два часа! За два часа он три раза пописал, четыре попил и сорок раз смертельно «устал».

Вчера, пока время невероятно медленно тянулось, а мои нервы и дружелюбие стремительно истончались, я горела желанием больше не появляться в этом доме. Плюнуть на деньги и забыть это странное семейство как страшный сон.

А когда перед уходом Михаил выполз из своей берлоги, чтобы меня проводить, и спросил... цитирую: «Вы уверены, что мы раньше не встречались?», я и вовсе убедила себя, что ноги моей здесь больше не будет. Дурак!

Однако я здесь, в гимназии, пришла на полчаса раньше, чтобы разобраться с чатами и электронным дневником.

Это ужасно, я согласна.

Я, конечно, не нанималась личным психологом для ребенка Миши, но мне не хочется подставлять Ларису Ивановну. Она ведь меня рекомендовала. Хотя ей стоило бы рекомендовать не няню, а детского психолога, ведь очевидно, что у Славы проблемы. И у Миши проблемы! У них обеих проблемы!

Слава упрекнул меня вчера, что я пытаюсь разрушить их «гнездо».

В моей голове миллион вопросов, еще больше предположений. Миша развелся с мамой Славы, и ребенок теперь живет с отцом? Где мама? И дураку понятно, что мальчик отстаивает и защищает семью, в которой нет места чужаку, а чужак сейчас для него я.

Вчера я убежала от семейства Угрюмовых с тяжелым сердцем, но сверкая пятками. Теперь я ненавижу всё, что связано с кукушками!

Перехожу во вкладку «Домашнее задание» и наблюдаю, что на понедельник ничего не задано. Это и радует, и нет. Мне придется чем-то заполнить три часа, которые мы со Славой проведем вдвоем, ведь его отец предупредил, что сегодня задержится.

Гашу экран телефона и поднимаю лицо.

Крестная сидит на мягком стуле, у нее изможденный вид. Подперев щеку ладонью, она то ли дремлет, то ли просто обессиленно дожидается окончания своей рабочей смены. Как бы тётя Лара ни хорохорилась, ей семьдесят, и вот так провести с восьми утра до шести вечера день в компании детей не каждый выдержит. С учетом того, что все дети разные... Один только Славка чего стоит.

Бросаю взгляд левее...

Слава сидит на небольшом ярко-зеленом диванчике, в его руках книга. Сегодня это «Лев, колдунья и платяной шкаф».

Правее от Славы за столом сидит девочка и рисует.

Их осталось двое, всех остальных детей разобрали. Я понимаю, что ситуации и положение у родителей бывают всякие, и винить их за то, что ребенок весь день проводит в школе, не имею права, но, глядя на уставших детей, мое сердце обливается слезами. Тут взрослый устает, не то что ребенок, хоть в этой гимназии и созданы все условия для комфортного пребывания, но ведь ничто не заменит дом и семью. Лариса Ивановна сказала, что обычно с пяти до шести она с ребятами гуляет в школьном дворе, и они ждут родителей уже там, но сегодня такой ветер, что сбивает с ног.

Убрав телефон в рюкзак, встаю.

– Лариса Ивановна, я всё, – сообщаю крестной.

Она поднимает ко мне осоловелые глаза. Медленно моргает.

Вчера я вернулась домой в десять вечера, и крестная вместе с мамой ждали меня. Обе не ложились спать. На их вопрос «как все прошло?» я ответила «хорошо». Лаконично и достаточно убедительно.

Я не собиралась жаловаться, я просто хотела добраться до скрипучего кресла-кровати и отбросить ноги и руки. Сбросить с себя всё, что казалось тяжелым. Всё, кроме мыслей. Из-за них я снова плохо спала ночью.

– Собираетесь? – спрашивает тётя Лариса и, получив от меня кивок, обращается к Славе: – Слава, одевайся.

Захлопнув книгу, мальчик исподлобья косится на меня.

Когда я пришла, его глаза округлились на половину лица. Он был удивлен моему присутствию, вероятно, считал, что после его вчерашнего «усталого» представления я сдамся и не приду. Я тоже так думала.

Но я здесь...

Опустив глаза в пол, Слава плетётся в раздевалку.

Я будто на мне сажу – вот так я себя чувствую. С нахождением общего языка с детьми у меня не было проблем, для них я стараюсь быть другом, а сейчас меня объявили врагом, и на этом поприще мне дискомфортно. Я не враг Славе, но, вероятно, это будет сложно ему объяснить.

Открываю Приложение такси.

Сегодня после обеда Михаил сбросил мне на карту деньги с припиской «на такси». Я не стала уточнять – на какое такси, зачем такси... он же весь такой занятой.

Он и семь лет назад был чрезмерно занятым, видимо поэтому той девятнадцатилетней девочке доставались только поздние вечера и темные ночи. Настолько темные, что даже не разглядел и не запомнил, с кем проводил эти самые вечера и ночи.

В горле образуется скверный привкус. Я не злюсь на него. Не обижаюсь. У меня нет претензий. Это моя установка – избавляться от негативных эмоций и не тащить с собой по жизни этот хлам.

Через десять минут мы со Славой садимся в такси и уже спустя сорок минут оказываемся у подъезда.

Ноги снова тяжелые и не несут, но я упрямо иду вслед за Славой к лифту.

Мы оба молчим. В такси делали то же самое, и я не представляю, как сейчас мы будем взаимодействовать дома.

Дверь открывает Слава. Вчера с его отцом мы пропустили момент с ключом. Я – по понятным причинам. Я вообще думала, что сюда больше не вернусь, а о чем думал Миша...

Ни о чем. Кроме работы он не думает ни о чем.

Я дожидаюсь, пока Слава отправит свою верхнюю одежду в шкаф. Провожая его спину взглядом, когда, закинув на плечо рюкзак, он скрывается в своей комнате.

Ясно.

Раздеваюсь сама.

В квартире строжайшая тишина. Если захотеть, можно услышать свое дыхание. Ни звуков, ни запахов. Только тусклый свет сочится из комнаты Славы. Кожу рук обсыпает мурашками. Растираю предплечья.

Чувствую себя здесь вторженкой. Мрак квартиры и тишина обещают поглотить меня целиком, я не люблю темноту. Не люблю тишину. Они пугают.

Иду в ванную, быстро мою руки, стараясь не обращать внимания ни на что.

Когда выхожу, не знаю, что делать. Что вообще мне можно делать? Где ходить, что брать? Закусываю губу.

За спиной слышу шаги и оборачиваюсь.

Слава переоделся. Пройдя мимо меня, закрывается в ванной.

По телу с ног до лица поднимается тепло, которым делится теплый пол.

Дверь в ванную открывается. Слава, бросив на мое шерстяное вязаное платье с лебедями, украшенными пайетками, насмешливый косой взгляд, стуча пятками проходит на кухню.

Я иду за ним.

Открыв нижний ящик кухонного гарнитура, он вытаскивает пачку соленого печенья и с ней убегает комнату.

Замечательно.

Я так понимаю, эта упаковка печенья сегодня за ужин?

Миша не давал мне никаких инструкций касемо моих функций кроме подготовки домашней работы, но накормить ребенка после школы вроде само собой разумеющееся для няни, и если я похозяйничаю на кухне, это не будет выглядеть как самоуправство?

На этой волне распахиваю огромный холодильник, в котором с виду должно храниться столько продуктов, чтобы хватило накормить голодающих детей Африки. А по факту... В нем идеальная пустота. Кроме колбасной нарезки в вакуумной обертке и недоеденного набора суши, на который с подозрением бы покосился даже кот Федот, живущий на нашей помойке, в холодильнике шаром покати. То же самое в морозильной камере – там из съедобного только лед кубиками.

Господи, чем эти двое питаются?

Я без угрызения совести начинаю открывать все подряд ящики кухонного гарнитура, но в нем и на нем, судя по всему, даже муха не сидела. Ни круп, ничего такого, из чего можно

было бы соорудить нехитрый ужин. Есть три вида кофе и подарочные упаковки чая, но вряд ли я смогу превратить их в бульон.

Уперев руки в бока, думаю. В соседнем корпусе на первом этаже видела сетевой супермаркет.

– Слав, давай до магазина прогуляемся? – предлагаю, войдя в детскую.

Славка сидит за компьютером и, хрустя печеньем, смотрит в экран. Опять играет. Ожидаемо.

Я включаю свет, ибо нельзя смотреть в монитор при таком освещении.

Славик морщится. Видно, как он «рад» меня видеть, и с этой же «радостью», когда я дублирую свой вопрос, отвечает:

– Не хочу.

Я вздыхаю.

– Слава, нельзя питаться только такой едой. Это вредно. Давай купим что-нибудь полезное и вместе приготовим ужин? М-м? – спрашиваю с энтузиазмом и преувеличенным дружелюбием, но кто б меня слушал.

Скривив недовольную рожицу, мальчик демонстративно запихивает в рот сразу несколько печений.

Ладно.

Принимается.

Встаю и выхожу из комнаты.

Мучаюсь в сомнениях. Я бы могла быстро добежать сама. Магазин буквально в ста метрах от дома. Но оставлять ребенка одного...

К черту!

Достаю из рюкзака телефон и нахожу контакт Миши. Палец зависает над открытым окном. Я уже поняла, что любое обращение к нему – куча недовольства, но, в конце концов, я обращаюсь по делу, а не потому что мне так хочется ему написать.

Пишу сообщение, спрашивая, можно ли оставить Славу одного, чтобы сходить в магазин.

Удивительно, что ответ прилетает менее чем через полминуты, и я даже вижу, как Миша закатывает глаза, считая меня ненормальной, раз задаю такие вопросы.

Михаил: разумеется! Ему же не три года...

Показываю сообщению язык.

Бирюк!

И зачем так грубить? Потом бы сам обвинил меня, что оставила ребенка без присмотра. Или же этот ребенок пожаловался бы на меня. Так что с чистой совестью я надеваю любимую шубу, включаю в наушниках Люю «Вернись» и, предупредив Славу, что ухожу, вытряхиваюсь из квартиры. Предусмотрительно дождавшись, пока Слава закроется.

Я не знаю, на каком такси мы должны были ехать со Славой, возможно, мне следовало бы вызвать бизнес-класс, а не эконом, но тех денег, что Угрюмов скинул на такси, мне хватило, чтобы купить куриные бедра, картофель и еще кое-чего по-мелочи.

Через двадцать минут с пакетом продуктов в руке я стою под дверью и нажимаю на дверной звонок. Но ничего не происходит.

Я нажимаю еще раз, чувствуя, как меня обдает жаркой липкой волной. Я всегда отличалась живым воображением и сейчас, буквально за секунду, придумываю сотни вариантов, что могло случиться с восьмилетним ребенком, оставшимся без присмотра в квартире. Почти все эти варианты заканчиваются картинкой, где я в любимых желтых колготках сижу на скамье подсудимых полностью раздавленная чувством вины!

О, Боже...нет!

Позвонив в третий раз, сразу начинаю стучать.

– Слава, открой! – ору, стараясь пробиться голосом сквозь толстое дверное полотно.

Мимо проходит какой-то мужчина и с подозрением косится на меня, но никак не комментирует. От его осуждающего, недовольного взгляда почему-то только еще больше накрывает паникой.

Прикладываю ухо к двери. Тишина. Там гробовая тишина!

– Слава! Слав! – стучусь, дергая ручку и чувствуя, что от стресса сейчас либо схвачу микроинфаркт, либо расплачусь. – Открой, пожалуйста...

11. Камень, ножницы, бумага

– Слава, я сейчас позвоню папе! – кричу, отчаявшись. – Я...

Не успеваю договорить, как шелкает внутренний замок.

Я рвано вдыхаю, ощущая резь за грудиной. Кажется, микроинфаркт все-таки меня посетил.

Дверь распаивается. За ней стоит Угрюмов-младший – живой и невредимый, но мое секундное облегчение придушивает гнев, который обрушивается на меня, когда в глазах Славы вижу торжество и ни капли раскаяния, пока я тут чуть не поседела.

– Знаешь что... – я резко тяну дверь на себя и вваливаюсь в квартиру, вынуждая мелкого засранца отступить вглубь, – ты мне тоже не нравишься! – сообщаю, ткнув в него пальцем. Бросаю пакет с продуктами на пол и начинаю суетливо расстегивать шубу, в которой на нервной почве взмокла. – Но мы с тобой в одной лодке, и тебе придется смириться, – срываю с шеи платок, – потому что мне нужна эта работа, и я никуда не уйду, как бы ты не старался избавиться от меня, – замечаю, что светлые брови ребенка стекаются к переносице. – Не нравится перспектива? – ехидничаю, нагнувшись и расшнуровывая ботинки. – Понимаю. Но у тебя есть возможность разнообразить эту перспективу. Точнее... – выпрямляюсь, – выиграть у меня.

Славка задумчиво хмурится. Я бы могла решить, что из того, что я сказала, он ничего не понял, но этот ребенок – не тот случай. Он хитрый, расчетливый и очень умный.

– Камень, ножницы, бумага... – уточняю. – Выигрываешь ты – я не трогаю тебе всю следующую неделю и делаю за тебя уроки. Выигрываю я... – поднимаю глаза к потолку, придуывая желание, – мы пойдем на кухню, и ты поможешь мне готовить ужин.

Глаза Славы сужаются. В первую секунду заявленной мною провокации кажется, что он сейчас развернется и умчится в свою комнату. Но Слава молчит и стоит на месте.

Отправляю шубу в шкаф. Сердце под тканью платья надрывается, и я делаю глубокий вдох, чтобы привести себя в чувство, пока мой подопечный взвешивает все «за» и «против».

– Ну так что? – упираю руки в бока. – Шансы пятьдесят на пятьдесят, зато если выиграешь, я всю неделю не буду к тебе приставать, – заговорщицки заговариваю зубы.

– А папа не узнает? – недоверчиво спрашивает Слава.

– О чем?

– Если я выиграю, и вы будете делать за меня уроки...

– А-а-а... – улыбаюсь. – Нет, не узнает. Даю слово пацана. Это будет только наш с тобой секрет. Но ты тоже должен дать слово пацана, что если выиграю я, не схитришь, а выполнишь мое условие.

Славка чешет лоб.

– Ладно, – сообщает лениво.

Кручу головой. Так дело не пойдет.

– Дай слово пацана, – настаиваю я.

Закатив глаза, Слава нехотя бормочет:

– Даю слово.

– Что? – прикладываю ладонь к уху? – Не слышу? Какое слово? Вруна? Или хитреца?

Славка пыхтит, бесится, но все же скрипя зубами отвечает:

– Даю слово пацана.

– Договорились! – торжественно объявляю я и выставляю вперед кулак, подразумевая начало игры.

Славка вытягивает тощую руку и тоже сжимает кулачок.

Смотрим друг другу в глаза. Я прищуриваюсь, гримасничаю, изображаю сосредоточенную рожицу и успеваю поймать мимолетную, прошмыгнувшую мышью, скупую улыбку у своего восьмилетнего соперника.

Я выберу «камень». Из опыта знаю, что чаще всего детвора выбирает ножницы. Ножницы им кажутся интересной фигурой из двух прямых пальцев, и я очень надеюсь на свою интуицию и знания, которые получила в работе с детьми.

– Ита-ак...– тяну я. – Камень... – одновременно начинаем качать вверх-вниз кулаками. Глаза Славки вспыхивают азартным огоньком. Он зачарованно смотрит на наши кулаки. – Ножницы! – Мой сердечный ритм тикает в ушах. Губы самопроизвольно растягиваются в улыбке. – Бумага! – резко выкрикиваю и оставляю кулак сжатым, а Славка выкидывает вперед ладонь с вытянутыми двумя пальцами и когда понимает, что проиграл, его глаза увеличиваются в размерах.

Так-то!

– Упс! – сооружаю сочувствующую мину. – Я выиграла, – сообщаю деланно прискорбно. Славка морщится. Насупившись, задирает подбородок, недовольный результатом. – А что такое? – интересуюсь у него я. – Все по-честному. Так что я иду мыть руки, а ты берешь пакет, – киваю на продукты, – и несешь его в кухню.

Пакет не настолько тяжелый, чтобы ребенок заработал себе грыжу, поэтому триумфальной походкой и со спокойной совестью следую в ванную, слыша за спиной шуршание пакета и недовольное кряхтение.

Улыбаюсь – своей маленькой, но победе, и потому что знаю, что Славка не видит.

Из двух кос, которые на сегодня заплела, повывлазили прядки волос. Приглаживаю их насколько выходит.

Ощущаю, как взболтанность оседает. Я успокаиваюсь, но это спокойствие шаткое и неустойчивое, как стойка на одной ноге, но это лучше, чем ничего.

Когда захожу на кухню, застаю Славика, копошащимся в продуктивном пакете.

– А вкусного ничего нет? – капризно тянет Угрюмов-младший, поднимая на меня разочарованный взгляд.

– Что может быть вкуснее курицы с картошкой, запеченной в духовке? – пожимаю плечами и, отодвинув маленького кладоискателя от пакета, начинаю доставать продукты и выкладывать их на стол: куриные бедра, килограмм картошки, яблоки, хлеб...

– Не люблю, – кривится Слава, насупившись.

– Что именно? – выгибаю бровь.

– Картошку из духовки, она всегда жирная.

– Кхм, тут согласна. Да и на ночь вредно... – задумавшись, киваю и ставлю на стол пластиковую бутылку молока. – Тогда пюре? – кошусь на Славу.

Угрюмчик моргает и сглатывает слюну, голубые глаза на миг загораются предвкушением, но упрямец быстро берет себя в руки и возвращает на лицо скучающую мину.

– Тоже не люблю, – показательно протестует, а у самого уже слюни текут.

– Ну извини, – развожу руки в стороны, – других вариантов нет, – заявляю безапелляционно. – Умеешь толочь?

– Нет, – бурчит.

– А придется, – сообщаю. – Я девушка, а для этого нужна настоящая мужская физическая сила, – сжимаю руку в локте, демонстрируя отсутствие чего-либо похожего на мышцы.

Славик выразительно косится на свои тощие руки. Давлю готовый вырваться смешок. Да уж, самоиронии ему не занимать. Под рукавом футболки у него даже хуже, чем у меня.

– Ладно, вдвоем как-нибудь справимся, – решаю я, относя картошку в раковину.

Славик идет за мной по пятам.

– Не понимаю, – канючит, – зачем я вам тут нужен. Картошку я чистить не умею. Да и вообще... Вы же не дадите мне нож? – хитро поглядывает на меня.

– Как включить духовку? – вместо ответа спрашиваю.

– Не знаю, – Славка пожимает худыми плечами.

– Не страшно. Разберусь сама, – отмахиваюсь я. – А *ты* нужен, потому что мне просто скучно одной готовить, а когда мне скучно, еда невкусная получается. Ты же не хочешь невкусную еду?

– Она все равно будет невкусная, – капризно бормочет Славка.

– Ок. Тогда поем я, а ты посмотришь. А потом придет папа, и его накормим, – не сдаюсь я. – Договорились?

На это у Славы возражений не находится, и он, страдальчески шумно вздохнув, опускается на стул. Я же принимаюсь чистить картошку, раздумывая, чем бы и правда занять моего смурного помощника.

Гнетущая тишина на кухне давит на мои и без того расшатанные после происшествия нервы.

– Слав, а у вас есть колонка, которую можно к телефону подключить?

– Да! – Вспыхивают глаза мальчишки. – На прошлый Новый год мне папа фирменную подарил, – отзывается с нотками гордости в голосе.

– Отлично, тащи! – даю ему отмашку.

– Только я буду ставить музыку! – мгновенно выдвигает условие Славка.

– Нет уж, кто готовит, тот и песни выбирает, – философствую.

– Но я же не умею готовить! – возмущается Слава. – Так что это нечестно.

Резонно.

– Тогда так: ты натираешь солью курицу, обмазываешь её майонезом, раскладываешь на противне – и тогда выбираем песни по очереди, – соглашаюсь на компромисс. – Только я первая!

– Ла-а-адно, – тянет недовольно Славка и, сорвавшись с места, убегает в свою комнату.

Возвращается через несколько секунд с приличной USB-колонкой. К этому моменту я уже как раз дочищаю картошку.

– О, крутая! – одобряю. – Я тоже такую хотела, но дорого, – признаюсь, вытирая мокрые руки о полотенце, чтобы взять телефон. – Хороший подарок.

– У папы все подарки хорошие... – как-то грустно бормочет Славик себе под нос, и я перевожу на него взгляд, чувствуя, как защемило под ложечкой.

Брови мальчишки сведены на переносице, взгляд опущен в тарелку. Он выглядит таким уязвимым в данный момент, что желание попытаться расспросить его о семье зудит во всем теле и щиплет на языке, но я не знаю с какой стороны подступиться, чтобы не сломать тот тонюсенький мостик, который удалось выстроить между нами.

Вместо вопросов я тянусь за телефоном. Подключаюсь к колонке и врубаю первую попавшуюся песню из своего плейлиста. Через мгновение музыка оглушает, и я очень надеюсь, что в этом доме толстые стены, за которыми стрессоустойчивые соседи, ведь сделать тише Наталью Орейро у меня рука не поднимается.

– Кам ё доро-о-о, – подпеваю от души, набирая воду в кастрюлю, чтобы поставить вариться картошку, – кам ба ви ливерта-а-а!¹ – закашливаюсь на верхней самой пищущей ноте. Эх, никогда ее не вытягивала!

– Отстой! – скептически орет Слава, перекрикивая и меня, и Орейро.

– Ты курицу будешь солью натирать или нет? – так же громко отбиваю в ответ, пританцовывая. – Если не будешь, то следующую песню тоже ставлю я!

¹ Natalia Oreiro «Cambio Dolor»

Угроза действует безотказно, и Слава, закатив глаза, принимается за подготовленные мной бедра.

– Эй! Нежнее с ними, – подсказываю Угрюмову-младшему, наблюдая, как он буквально избивает куриные бедра солью. – И не так много, а то и правда не вкусно получится.

Мне достается тяжелый взгляд исподлобья, но от комментариев Вячеслав воздерживается, вместо этого демонстративно ласково поглаживает несчастное куриное бедро. Правда в следующую секунду Славик бросает все дела и бежит за своим телефоном, так как моя песня подходит к концу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.